

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПАРАЛЛЕЛИ PARALELĒS

LITERATŪRINIS GROŽINIS ŽURNALS

СЕНТЯБРЬ '2008

RUSSIAN
PEN
CENTRE

РУССКИЙ
ПЕН
ЦЕНТР

 BALTOSLAVIA

Проект реализован при финансовой поддержке ЕС.
The project is being realised due to financial support of EU.
Projektas realizuotas ES finansinės paramos dėka.

Главный редактор

Олег Глушкин

Зам. главного редактора

Римантас Черняускас

Редакционная коллегия

Елена Александронец

Игорь Белов

Александр Жалис

Вячеслав Карпенко

Сэм Симкин

Валерий Голубев

Арвидас Юозайтис

Компьютерная вёрстка

Алексей Попов

Корректор

Ольга Малышева

Партнеры проекта “Балтославия”:

- РОО Калининградский ПЕН-центр
- Клайпедское отделение СП Литвы
- МО “Зеленоградский район”

Фоторедактор

Валентин Черноухов

Адрес редакции

Россия, Калининград, ул. 9 апреля, 5

Литва, Клайпеда, ул. Аукштое, 9

Тел/факс:

В Калининграде: (+4012) 460 330

В Клайпеде: (+37046) 410 476

Автор проекта «Балтославия»,

координатор Валентин Черноухов

тел. (+7) 906 237 18 98

e-mail: kpenc@mail.ru; baltoslav@mail.ru

www.kpenc.ru

Тираж 900 экз.

Подписано к печати 28.08.2008

ISBN 5-901194-29-2

Все авторские права защищены

*При перепечатке и цитировании
ссылка на «Параллели» обязательна*

Наши партнеры:

Калининградская Централизованная библиотечная система

Зеленоградская городская библиотека

ВЕСТКОМП

КИТЦ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
INTERNATIONAL FEDERATION OF RUSSIAN - SPEAKING WRITERS

 С.ФОТО
www.sfoto.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Олег Глушкин. Обитель многих	4
------------------------------------	---

СЕМИНАР-ПЛЕНЭР. ДЕБЮТЫ

Елена Перегудова. Эмоции	5
Анастасия Кирсанова. Стихи	7
Видманте Черняускайте. Стихи	9
Ирина Кривонос. Пуля	12
Дарюс Вайчекаускас. Новелла	13
Рита Латвенайте-Кайрене. Новеллы	14
Светлана Карпухина. Новеллы	17

ПАРАЛЛЕЛИ

Сергей Погоняев. Стихи	19
Елена Карнаускайте. Стихи	21
Анатолий Бахтин. 3-я мировая война	24

УШЛИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Краеугольный камень	30
Сергей Снегов. Из «Книги Бытия»	31
Йозас Марцинкус. Тайна Серого кладбища	33

ЮБИЛЯРЫ

Несозвучные голоса поэтов	36
Броне Линяускене	36
Стасис Йонаускас	38

ГОСТЬ НОМЕРА

Геннадий Норд	39
---------------------	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Наталья Андрейчук Лариса Гаврилина. Образ мира	41
Арвидас Юозайтис. Город как азарт	45

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Анатолий Мартынов. Слово читателя	47
Сэм Симкин. «ПРУСА»	47
Андрей Абрутин. Новые ступени в издании книг	48

Обитель многих

16 ноября весь цивилизованный мир отмечает Международный день толерантности. Слово это вошло в обиход сравнительно недавно и означает терпимость. Толерантность - это весьма непростое искусство жить вместе. Для нашего края оно приобретает особое значение. Край, где мы живем, имеет свою многовековую историю. В ней были и годы кровавых войн, и голодные неурожайные годы, и годы, когда чума косила жителей, и годы коричневой чумы... Но были и мирные годы, и, пожалуй, их было много больше... Край этот славился своей веротерпимостью, и сюда в средние века добирались гонимые за веру из всей Европы. Всем хватало места на этой земле. Она стала обителью для многих. Старейший университет – Альбертина – открыл свои двери для всех талантливых людей, независимо от их национальности. Здесь получила развитие не только немецкая философия, здесь зарождалась литовская письменность, польская поэзия... Неразрывно связана эта земля и с русской культурой, и с русской историей. Есть много общего в развитии нашего края и соседнего Клайпедского, где сорок процентов составляет русскоязычное население.

Переселенцы, в послевоенные годы прибывающие на крайний запад страны, не очень-то выделяли - какой они веры и какой национальности, были они все советские люди, все выдержали самую кровавую войну и самый жестокий голод, все хотели обустроить свой дом, свою новую обитель. Лишь спустя несколько десятков лет люди стали искать свои национальные истоки. Развитие национальных культур необходимо – это бесспорно. Но часто происходит подмена понятий, и из популистских лозунгов «псевдокультуры» проглядывают рожки фашизма. Как быстро забываются уроки Холокоста, уроки самого кровавого века в истории человечества! И вот уже в новом XXI веке нас хотят сравнить друг с другом, забывая о том, что в многонациональном крае нет ничего губительнее, чем межнациональные конфликты.

Оглянитесь вокруг, все ли у нас ладно с терпимостью друг к другу? Не слишком ли часто в последнее время сводки новостей приносят известия о насилии, мотивированном только тем, что человек, по отношению к которому оно было применено, иной национальности, вероисповедания, цвета кожи? У толерантности – терпимости тоже должен быть предел. Мы не можем быть терпимы к нацизму и расизму. Их, по словам губернатора Калининградской области, «следует выжигать каленым железом».

И пусть знает тот, кто хочет нас разделить, посеять недоверие и национальную рознь, что он сегодня бессилен что-либо сделать, люди хотят жить по-человечески, жить, не испытывая нужды и дискомфорта, реализовать свой творческий и деловой потенциал, не оглядываясь на то, кто они по происхождению. Важно оставаться людьми и честь и свое человеческое достоинство сохранять в любой ситуации и ставить превыше всего.

Олег ГЛУШКИН

Очередной семинар-пленэр в соответствии с проектом «Балтославия» был проведен в Калининграде. Он совпал с выпускными экзаменами в школах, и несмотря на это совпадение в нем наряду с другими семинаристами приняли участие и выпускники одиннадцатых классов. Они успешно сдали государственные экзамены и экзамены на литературную зрелость. Пожалуй, по возрастным критериям это был самый молодой семинар.

Еще одной особенностью стало открытие литературной гостиной в городской библиотеч-

ной сети. Именно в этой гостиной и прошел заключительный вечер, на котором звучали стихи молодых авторов, состоялись презентации третьего номера нашего журнала и книги мистических повестей Clandestina. Стены гостиной украсили работы фотохудожника Альгимантаса Калвайтиса, который открыл для нас мир тающего льда. Атмосфера доброжелательства и взаимопонимания, царившая на проведенных встречах, позволяет надеяться на дальнейшее расширение наших контактов. А пока – первое знакомство:

Елена ПЕРЕГУДОВА

Эмоции

Устала. Дико.

Что за глупая эта любовь! Да и какая это любовь? А где же признание, спросишь ты? Признание было, но подруге. Стояла на коленях, плакала, смеялась, крича твоё имя и слова о любви. Размазывала слёзы и тушь. Ты делал мне больно. Я болела, но это надоедает.

«Ха-ха-ха!», - сердце смеётся, а не бьётся. Оно шутит надо мной, нанизывая меня на шипы других людей. А эти люди со скрипом прокручивают меня на своих шипах, будто проверяя на прочность. Кукла! Ха, я кукла!

Был кусок льда, и растаял. Хочется вновь заморозить сердце и лишиться разума. Хочется многое вернуть и забыть. Хочется просто быть счастливой.

Устала. Дико.

От каждого столба веет холодом, и свистит ветер. Он передаёт пароли, просто мы их не слышим.

Надоели все слова, особенно фальшивокрасивые, все написанные по одному шаблону. Хочется сжечь их, не закидывая в долгий ящик. Люди кричат о своей неповторимости. Но когда слышишь одну и ту же фразу несколько недель от разных людей, задумываешься и понимаешь, что все люди одинаковые. Все. А я не верила, и ты. Я поверила, а ты?

«Не знаю», - слышится из каждого динамика. А кто тогда знает? Как никогда хочется дождя, как

никогда хочется плакать. Измотана, выжата, кончена. Дура! Ха, я дура!

Была беззаботность, и нет её. Куда она делась? Хочется вернуть её и согреть тёплым дыханием, чтобы она больше никогда не убегала. Хочется почувствовать себя маленькой девочкой. Хочется быть маленькой девочкой...

Устала. Дико.

Снова

Снова жгучее серостью небо с какими-то непонятными облаками.

Снова законы подлости и их следствия непонятны до вечера.

Снова выбор. Одно или другое. Обвившись вокруг шеи, тянет в одну сторону и тут же в другую.

Снова мармеладность слов, на время без приторности, но только на время. Вечером они, я знаю, обрастут пафосом так, что их будет не оторвать вновь.

Снова летящие куда-то безответные sms.

Снова, ты знаешь, я буду улыбаться.

Снова, ты знаешь, я залезу в слэм.

Снова, ты знаешь, я буду плакать.

Снова к иным строчкам слова поднакопят краски, или банальности, или их соотношения. Рассчитывая объективность полёта гравитации моих мыслей, допустила ошибку. Возможно, ещё на стадии их развития. А может, уже при расчёте.

Снова я буду рассчитывать.

Снова мне будет больно.

Снова я буду сильной.
Снова я буду казаться сильной.

Жара. Из электрички

Ландшафт. Справа – налево. Слева – направо. Быстробегущий, словно время в минуты долгожданного счастья. Поля и леса. Редкие домики со съехавшими крышами, словно эти домики безответно влюблены. Ты хочешь зацепить секунду и впитаться в какой-то из этих ярко-блеклых пейзажей. Наматывая минуту на палец, как нить, ты снимаешь глазами его образ, чтобы дома воспроизвести его в голове слайд-шоу вместе с другими, такими же банальноцепляющими.

Справа – налево. Слева – направо. Я вижу поляну цветов, название которых стёрлось другими, более (менее) важными знаниями. Эти цветы – как он. Они также милы, но голова начинает безумно кружиться, когда ты подходишь слишком близко, преступаешь назначенную черту. И кто придумал эти черты, минусы, плюсы, точки, многоточия в отношениях? Через два сиденья парень кидает на меня взгляды. Я ловлю их, и мы в замирании смотрим глаза в глаза, пока я не опущу голову. Снова цепляемся, улыбаюсь, пропадаю, цепляю, цепляюсь.

Справа – налево. Слева – направо. Ловлю сквозь грязные окна блеклость безоблачного неба. Где-то надо мной солнце, но лезет в окно и сидит рядом со мной на сиденье. Интересно, куда оно едет? Возможно, вместе со мной до конечной бесконечности. На мои вопросы отвечает пробивающимся сквозь наушники молчанием. Вижу игру ветра с молодыми листьями и хочу присоединиться к его свободе, полёту. Хочу быть с ним вместе навсегда.

...и спать на плече, проезжая следующий раз через поля, леса, влюблённые домики, цветы, и в ответ на заинтересованный взгляд получать ревнивый.

* * *

Мои мысли плетут у меня в голове паутину. Это так же ненадёжно, как и нить, по которой ходят гимнасты. Я вчера ходила по балке шириной в семь сантиметров, на высоте в три метра, и знаю, как это страшно. А каково же ходить по этой нити, которая, как и наши отношения, может в любую минуту оборваться, а этого так не хочется... Моя зелёно-красная осень пока не выкрашена в эти цвета и остаётся не только без шипов, но и без

своего цвета. На столе лежит мольберт в виде белобрысых листов формата А4, а в столе палитра в виде пастели. Нет времени сесть на пол и размазывать пастель слезами. Да и слёз-то нет. Давно. И крыши закрываются одна за другой, будто их съело солнце. Хочется забежать за край света, с бутылкой мартини и сигаретой прижаться всем своим теплом к твоим мыслям и зарисовать это на фотоплёнку, которую выжжет банальность.

* * *

Как никогда хочется тепла... Такого осязаемого и близкого. Хочется размазывать подводку по твоей белой рубашке и пачкать губы. Быть плохой, но с тобой.

Хочется ясности в наших отношениях и больше разговоров. Разговоров длиной во все те написанные за период нашего знакомства sms.

Хочется ясности в наших отношениях и больше прикосновений. Стоим рядом, твоя рука ищет мою, находит, берёт бережно, цепляется. Мгновенья в страхе пошевелиться, в страхе нарушить иллюзию. Нашу иллюзию. Потом пошевелить пальцами, погладить своими твои, как бы напоминая: «Я здесь. Я с тобой». В ответ получить ещё больше твоего тепла, ещё крепче стиснешь руку: «Не отпущу тебя. Ни за что». Но тут нас кто-то окликнул. Мы расцепляемся. Мы разносторонние.

Ностальгия будущего

Мечты где-то далеко и недостижаемо. Они сводят с ума своей несбыточностью, своей непредсказуемостью и... пугают. Буквально до колик где-то в низу живота.

Когда что-то не такое уж и плохое происходит день ото дня на протяжении месяца, двух, трёх, года, двух, десяти, то ты к этому дико привыкаешь. И от одной мысли, что ещё чуть-чуть-чуть и этого больше никогда не будет (как бы нам этого не хотелось), на глазах выступают слёзы. Как минимум раз в месяц оно по кусочкам солнечного счастья дарило нам радость, а теперь... А теперь мы будем заняты поиском новых источников этого самого счастья. Мы, как игральные кости, будем раскинуты по городам, а может (в силу нашего положения), по странам. Кто знает? Мы сами решим, где наше счастье. Вследствие нашего выбора мы всё чаще/реже будем вспоминать эти годы, эти месяцы, эти мгновения. В нашей голове они будут ассоциироваться не с чем иным, как с ностальгией... Сладко-горькой ностальгией...

Анастасия КИРСАНОВА

Вечный парадиз

Тюльпановым лепестком красным
вниз: ринулась, полетела
вон из порочного тела
цветка, блещущего красотой: падший пурпур.

Стакану прозрачному улыбнулась
изгибом, змеиным телом.
Назови – всего лишь пределом,
Адам, пожинающий плод свой: падшую Еву.

Парадизовый пастырь – не любовник?
Будто? Яблочный уксус – укус,
вкусный искус анисовый
помнишь?

Проведи пальцем по краю стакана
хрустального – вот чистота.
Уста льняные у этого дна.

Бездна дней. Дня последнего нет.

День – день – день – новый день без дна.
Адам, одень же меня. Одна
вымещена за грань – вмещена в ткань
скатертевую. Красную длань в хрусталь протягиваю.
Опрокинь стан, король мой – папертевый.

* * *

–Ты кто?
–Я? Поэт...
–Кто-кто?

Отъединение.
Отжать.
Отгрызть.
Огрызком бросить в урну.
Быть
не чем иным, как только
смычком над телом струнным.

Ваять не как ваятель –
как завоеватель.
Время – вата, но пространство – шпатель.

На самом кончике клинка,
к писче-бумажной индустрии
притиснутого, ойкумена – вся
дрожит без солнца,
(день третий) ещё не втиснутого
в круговорот потерь и понуканий,
откуда шаг свой первый Каин

во плоть – по плоти родственную,
но уже чужую – свершил
и сгинул – в яме.

И вот взрезаю – твердь небесную.
Пишу – прозрачностью не брезгую.
Трезва как будто, но не в трезвости:

Трезвонья из иных окрестностей
услышать
звон иных надтреснутостей...

О морских псах

*–...всё ищут, ищут! Чаво вам не
хватат? Чаво?*

– Эх, бабушка... Знать бы...

В товарных вагонах
Увозят
Наши сердца
Продавать
На волю,
Которая не купит нас, а пошлет
На все четыре
Стороны –
Дурная!

Разве мы знаем самих себя?!

Мы двинемся толпами
К морю.
Напьемся соленой воды
С запахом водорослей,
С привкусом ила –
Взалкавшие псы!

(Жажду не утоляют – в нее вглатываются,
Пустыню глотают вместе с кружкой воды.)

Асбестовые, полые
Изнутри.
Выкроенные,
Заново сшитые,
Корабликами поплывем по суше,
Протирая днище о пески.

Искомое не найдут
Ищущие,
Пуская пузыри
Пустоты, в толще которой
Моллюски, медузы –
Гады морские львы
Пучат глаза злые,
Глядя, как тонем мы.

Видманте ЧЕРНЯУСКАЙТЕ

* * *

Я колдунья,
Почему не понимаешь,
Найдя
В своих ботинках
Цветущие незабудки?
Я рыдаю по
Проплывающим кораблям...
Потому что за каждым там
Находящимся
Таится женщина...
И каждый день
Проходит
Уже тоскуя по другим.

* * *

Расслабиться...
Слушающий
Инфантильные стихи
Не наслаждаясь
Земными удовольствиями
Забываешь,
Что воздержание –
Добродетель.
Так как это слово
Больше уже не включено
В современный словарный запас.

* * *

Дождь
У окна кровать
На память знаешь
Действия
Которые совершаешь
Во время дождя...
Лежание в кровати
Чашечка чая
Взгляды:
На потолок
В окно
На себя
Попытка свести
Свое прошлое
С будущим
Так и не живя
В настоящем...

* * *

Семящих мух
Бабушкина тетрадь
Закрывает, поднимая
Нафталиновые бури,
Воспоминаний страницу.
В хлорке пахнущем
Помещении
Неродившийся младенец
Умеющий читать
С губ матери
Слова молитвы.
Маленькая почка
Распустилась. Прорвала свои
Границы.
Не помещаясь в синие
Поля тетради
В фотоальбом...
В память компьютера...

* * *

Собираюсь:
Сон
Вместо сигареты,
Дождит –
Так как не вижу солнца
Играю с тенями –
Их не надо покупать
Чищу ботинки –
Чтоб отразили
Прожекторов свет
Кричу – забываю, как говорить
Иногда пою –
Чтоб раскачивать бедрами
Считаю машины,
Людей, вещи –
Хочу познать множество
Включаю газ
Оставляю –
Не нахожу что дурманит
Зажигаю спичку...
.....
Светло, белые, белеет,
Грубо, закручено, сжато...
Люди – халаты
Халаты – люди...
Черный, черный человечек
На разукрашенном окне
Посоветовал выпить
Могу ли я выбирать?

* * *

Холодные бессонные пальцы
Трогают покрытые росой
Ресницы
Возбуждают твою кожу
Высасывают твои сны
Остаешься один...
С зажженной

Электрической лампочкой
Над головой
И оставшимися
Осенними листьями
Между пальцев...

* * *

Я есть
Лиса
Прыгнувшая
В пещеру
охотника
Краду
Его жены
Ботинки
чтоб никогда
Меня не почувал
Я постоянно
Сидела бы
И заставляла
Его по полям
Зайцев гонять

* * *

Храню мертвых шмелей
Держу их в кувшине.
Не полетят, не полетят они на твои
Медом намазанные руки.
На оголенных ладонях
Согрела цветами их
Чтоб хоронили
В то время, как я плачу тише
Летающей божьей коровки
Поднявшейся
С пальцев плачущего ребенка
Я шмелей происхождения
Сладкая
Без жал.

Перевел с литовского Денис МАТЮШКИН

Ирина КРИВОНОС

Пуля

Пуля... не потому, что это какое-то дурацкое прозвище, нет, конечно. Все это потому, что я и есть пуля, если угодно, можешь представлять меня куском свинца, можешь вовсе меня не представлять, тебе от этого не станет ни лучше, ни хуже.

Между мной и тобой существует масса различий, но говорить мы будем скорее о том, что уместней было бы назвать смертью. Я только захожу, тебе сразу же становится хуже, бывает, мой единственный визит для тебя смертелен.

Ты не смотришь на меня как на врага, да я и не враг тебе. Для тебя я подчас единственное спасение, панацея от скуки. Когда ты хочешь остановить свой бег с моей помощью, ты не спрашиваешь, что я думаю об этом. Ты, в общем-то, даже не представляешь, как скучно мне проникать в твоё мягкое рыхлое тело. Ты всегда можешь понять, как это происходит, если вдруг ты захочешь меня понять – тогда опусти свои руки в открытую и огромную рану на теле, например, свиньи. Скользи по влажным её органам и не забудь сделать это, пока она ещё жива, оставь руки там, на сутки или больше, не вынимай и чувствуй, как холодеет её тело. Чувствуй, как руки твои покрываются струпами в гниющей плоти, не шевели ими, забудь обо всем, что было до тебя, осознай

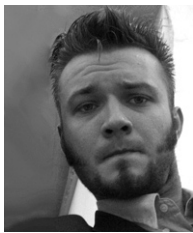
свою гибель внутри огромного гниющего тела. И если думаешь: есть разница между коленом, мозгом, желудком или сердцем, или чем угодно, что ты можешь себе представить – то её нет. Да, для тебя, для твоих мягких рук любая кость будет жестко давить, но не для меня – я из свинца – так что: все равно.

Столько отличий между нами – ты выбираешь, что ты будешь делать, ты скучаешь, забыв обо всем, ты предаешься лени, отвергая всякую механическую полезность своего существования, и только когда все осточертеет тебе, ты вспомнишь, что на этой земле есть я. Мы далеки друг от друга, ты умираешь от миллиона причин, ты умираешь от скуки, а я – я меньше, чем твой день, но больше, чем твоё существование, порой. День – одна цель, одно дело, может, больше. У меня тоже одна цель. Я живу ради неё, может быть долго, может быть – нет.

Ты создаешь меня, а я убиваю тебя, если повезет.

Зачем, зачем я говорю тебе все это, да просто затем, чтобы раз и навсегда ты понял, что даже бездушное орудие твоего убийства, даже оно способно ненавидеть твою убогую трусость.

Ну все, пока, отдохнем друг от друга?

Дарюс ВАЙЧЕКАУСКАС

Паразитирующие тексты, или Тайная хроника жизни и творчества Неизвестного Художника

10 ноября 1993 г. Неизвестному Художнику приснились три сна, изменившие его жизнь. Они объяснили ему смысл жизни и обрисовали его будущее, раскрывая „замечательное современное искусство” и „волшебное возникновение мультимедии”. Точно никто не знает, что тогда приснилось Неизвестному Художнику, однако с того времени он стал уверен, что современное искусство является ключом к тайнам всех народов. Проявления социума скреплены междисциплинными связями. Сны открыли ему, что „вся Литва является большой, гармоничной и искусно отлаженной машиной”.

Множество мыслей приходило к Неизвестному Художнику, когда он сидел возле камина или по утрам, когда он валялся в постели: „Будучи человеком, имею привычку спать – и в снах видеть те же самые или похожие на них вещи, которые безумец зрит без сна. Как часто я полагал ночами, что нахожусь в этом месте, одетый, у огня, тогда как по-настоящему лежал обнаженным в кровати, под одеялами. Теперь кажется несомненным, что глаза мои раскрыты, когда гляжу на этот лист бумаги, что эта моя трясущаяся голова не дремлет, умышленно, с целью сжимаю этот свой кулак – и всё-таки чувствую, что это – то, что происходит во сне, – так легко не отличается от всего этого. Настороженно подумав, я вспоминаю, что меня ранее путали подобные иллюзии, когда я спал. Свыкшись с этой мыслью, очень ясно вижу, что нет наглядных симптомов, согласно которым можно было бы явно различить состояния сна и бодрствования – и это меня совершенно ошарашивает; и удивление таково, что почти убеждает, будто теперь – сплю”.

Неизвестный Художник был воспитан под влиянием семьи советских резидентов и получил образование в гимназии, в Германии. 23-летний умный юноша был полон энтузиазма и желал систематизировать все свои художественные знания. Он уже почти 20 месяцев изучал ювелирику в Высшей Тяльшайской школе прикладных искусств, когда узнал о тайном движении междисциплинного искусства в Вильнюсе. Он нашел „профессора” этого тайного общества Костаса Богданаса, бывшего

одним из старших „междисциплинников”, и провел у него зиму 1993-1994 годов. Неясно, вступил ли он в тайное общество, которое было запрещено как в Вильнюсе, так и в остальной Литве.

10 ноября 1993 г. он провел весь день в теплой комнате Богданаса. Той же ночью ему приснились три пророческих сна, оказавших влияние на его будущую жизнь:

1. Когда он пытался уйти помолиться в церковь нового движения (ЦСИ), морозный ветер крутил так, что он едва-едва удерживался на ногах. Когда он из вежливости повернулся к прохожему поздороваться, от церкви его ударил особо крепкий порыв ветра. Проснувшись, чувствовал боль, повернулся на правый бок – и вновь заснул.

2. Другой сон весьма его напугал – он проснулся от грохота, смахивающего на гром – и узрел посреди комнаты Юргиса Мачюнаса.

3. В третьем сне он увидел на своём рабочем столе Словарь Искусств и „Vilnius Is Blurring”, раскрытую на цитате Валентинаса Климашаускаса: Mojito or Sherbet? (Мохито или Шербета?). Таинственный человек произнес слова – Est et Non (Есть и Нет, – которыми Юргис Мачюнас определял Правду и Ложь в познании и в мировом искусстве).

Из-за символического смысла этих снов в обществе междисциплинных искусств поднялась буря дискуссий. Известно лишь, что Неизвестного Художника они убедили в том, что у него – особая божественная миссия создать новую систему современного искусства. Он поклялся посетить „Documenta” в Кассели – что быстренько сделал, в следующем году побывав в Германии.

За несколько месяцев написал „Комментарии художника”, которые являются основой всей системы современных искусств Неизвестного Художника, что позже увеличилось до „Discours de la artiste”. Он считал эти сны „важнейшим предметом жизни” и даже говорил о джинне или духе „Комментариев художника”, разъяснившем ему эти сны еще до его укладывания в постель.

Перевел с литовского Clandestinus

Рита ЛАТВЕНАЙТЕ-КАЙРЕНЕ

День лгунов

Всё началось первого апреля.
В День лгунов.
Все шутили. И я шутил.
Сказал Полису, что его маму сегодня утром трахал бомж.
Он сидел на подоконнике.
Я стоял напротив.
Полис двинул мне по зубам.
Ногой.
Ему было удобно – он сидел на подоконнике, я – стоял напротив.
Мои губы кривились, зубы шатались, но смог сдержаться – учительница помогла.
Уже звонок, - сказала.
Мы задерживаем урок, - пояснила.
После урока поведёт нас к социальному педагогу, - добавила.
Она будет решать нашу проблему, - уверила.
Я испугался.
Пытался доказывать, что сегодня – можно, что пришёл День лгунов, а Полис элементарных шуток не понимает. Учительница трясла головой и повторяла, что таких шуток тоже не понимает: оба виноваты и должны отправиться к социальному педагогу.
Я не хотел.
Полис – тоже.
Это не социальные проблемы, - протестовал я.
Тогда учительница приказала не мешать ей вести урок, встать к окну и подумать.
О чём думать-то? О зубах? О маме? Она вернётся с работы, приведя в порядок зубы другим, а я предъявлю ей свои? Она весь вечер будет охать из-за моих болей, а ранним утром пойдёт не на работу, а в школу, встретится там с мамой Полиса – и не сдружится с ней.
Я хотел спросить Полиса: о чём он думает, но побоялся учительницы; она выглядела раздражённой, болела целые две недели: мы отстали от программы и не успели подготовиться к олимпиаде по литовскому языку; теперь должны были подналечь и выучить много новых вещей, например, что гипербола – это преувеличение образа; я не понял, что она в действительности увеличивает, но щека моя – поняла в точности.
И Полис. Обнимающий радиатор.
Так мы и гиперболизировали до звонка. А когда все вышли из кабинета, учительница спросила, как мы себя чувствуем, понимаем ли последствия своего поведения.

Мы молчали.
Она взяла наши дневники и снова спросила, как ей поступить, чтобы мы оба были удовлетворены.
Я всё равно прибью его, - сказал Полис обо мне.
Я ведь только пошутил, - повторил я.
Но мы не хотим к социальному педагогу, - возопили вместе.
Учительница не ответила.
Половину перемены что-то листала, писала, думала.
И не смотрела на мои губы, щеку, зубы.
Вижу выход, - молвила наконец. – Надо вести себя цивилизованно, демократично. Ступай домой, сделай себе холодный компресс. Полис тебя проводит. Вечером, Лукас, позвони маме Полиса и, пояснив ей, что ты её обидел, попроси прощения. Ты, Полис, позвони родителям Лукаса и признайся, что ударил его в лицо. Вы оба вели себя как анархисты, поэтому теперь должны вести себя как демократы: объясниться и попросить прощения. Договорились?
Договорились, поскольку другого выхода учительница не предложила, а быть линчеванными в школе не хотелось.
В тот же вечер Полис позвонил моим родителям и попросил прощения.
А я – нет.
Не потому, что был трусом – потому, что начались странные вещи.
Тем вечером мама Полиса заболела – скорая увезла её в больницу.
Звонить и ещё больше тревожить её я и не намеревался.
Решил подождать – засунул красивые слова подалше в стол и стал готовиться к олимпиаде по литовскому языку.
Вместе с Полисом.
Мы снова нормально общались, только домой к себе Полис меня не пускал. Зато я ежедневно был информирован, как самочувствие его матери, что она говорила Полису, за что хвалила, за что – ругала.
Таким я никогда его не встречал – он рассказывал маме, как прошёл день в школе, день дома, день на тренировках; пёк блины и нёс в больницу.

Я ждал Полиса возле ворот – внутрь не заходил: мама Полиса ещё чувствовала себя очень слабой, и её нельзя было нервировать.

Не нервировал её – нервировал себя.

Она ничего не знала о Дне лгунов.

Лишь я.

Полис.

Учительница.

Мои зубы собрались в кучу, щека стянулась, гнев Полиса – тоже (готовясь к олимпиаде, узнал, что это называется литота).

Совесть учительницы – нет: она требовала держать слово.

Полис ведь сдержал своё.

Я – нет.

Да и не мог – маму Полиса парализовало. Она могла говорить, могла спрашивать, но не могла двигаться. Потому, вернувшись из больницы, Полис расплакался: он не сможет участвовать в олимпиаде по литовскому языку, должен будет находиться с мамой. Я пытался разговорить его: она развеселится, если Полис победит; может, она даже поправится?

Не поправится, первое апреля – страшный день, - вздыхал Полис, - мама в тот день и заболела.

Я молчал. Не осмеливался вспомнить слова, сказанные Полису о его маме первого апреля.

Моя просьба о прощении не исцелит мамы Полиса, лишь обидит. Пусть ведут к социальному педагогу, пусть вызывают мать в школу – не буду просить прощения.

Но.

Уговорю Полиса участвовать в олимпиаде по литовскому. Он победит всех. Обрадует маму.

Я – лучший в классе. Полис – будет лучшим в школе. Я помогу подготовиться.

Помог.

Полис стал лучшим восьмиклассником города! Получил в подарок переносной компьютер! Мама Полиса радуется!

Хотел порадоваться и я, хоть учительница об извинении больше не говорила – забыла, мне забыть не удавалось.

Потому – осмелился. Потому – пришёл.

В больницу пришёл.

Один.

Полис только что посетил свою маму и спешил на тренировку.

Встретились возле ворот. Тряхнул головой: нет возможности, так и не надо.

Не надо – знал. Но совесть мучила.

Подождал, пока Полис исчезнет с глаз, и прото-пал прямо в отделение.

С красивыми словами из стола и виноградом в мешочке.

Не специально.

Так было.

Тот день был Днём матери.

И палата.

Пустая.

И кровать.

И Полиса никогда в больнице не видели.

Я орал.

И учительница.

Она сказала, что наша жизнь – одни недоразумения.

Сказала, что совсем недавно узнала.

Сказала, что Полис очень несчастен.

А поскольку я всё же намеревался пересчитать его зубы, держала его в объятиях и повторяла, что Полис уж точно не в капусте найден.

Его бабушка нашла. У больничных ворот. Там с тех времён и сидят. И Полис.

Они вместе там ожидали маму. А когда их прогоняли, шли к другим.

- Не шлушись. Иди к нему домой, извинись.

Пошёл.

На этот раз Полис открыл дверь, однако внутрь я не входил. Подал красивые слова и мешочек с виноградом.

Сказал, что действительно не его маму божь трахал тем утром, поэтому извиняюсь, да и вообще – День лгунов надо вычеркнуть из календаря, а Матери – праздновать ежемесячно.

- Хорошо, учительница, я сказал? Хорошо ведь? Полис меня поблагодарил. Взял мешочек с виноградом и понёс в больницу.

Маме.

Исторический танец. Девочка

Её прозывали Коровой.

Не девочку.

Учительницу.

Ту самую, которую девочка защищала.

Кстати, девочка танцевала (посещала хореографический класс музыкальной школы).

Очень старалась.

Учительница это заметила и оценила: девочке было позволено танцевать все исторические танцы, какие только изучала их группа. Правда, учительница всё бубнила по поводу её не особен-

но послушных кучерявых волос (ой, как нелегко заплести их в хвостик!), щипала, покрикивала – девочка старалась не вспылить.

«Учительница молода, терпения у неё нет, однако знает свою работу», - так мама утешала девочку, вернувшуюся из музыкальной школы, так девочка успокаивала других детей.

- Исторический танец идёт сквозь время. Вы путешествуете по эпохам, - поясняла учительница, и девочка описывала круг: движения околдовывали, закручивал полонез – она не чувствовала

тела, и только хлопки возвращали её из прошлого.

За это дети злились на учительницу. Мама Доминики даже жаловалась директору на несносное поведение учительницы.

Но учительница была хорошим специалистом.

- Специалист... Му-Му... – Тадас больше всех досадовал (видать, ему попадало больше других).

- Она не виновата, что является не такой, как другие учительницы. Мы – её первые ученики. Может, позже она смягчится и не будет так строго наказывать? – размышляла девочка, унимала друзей и ждала экзамена, который надеялась сдать на отлично...

Наконец-то!

Танцевала весёлой, возвышенной, счастливой!

Дрожа, ожидала оценки (за экзаменом наблюдал балетмейстер музыкального театра – девочку и двух её подруг пригласили танцевать в театральную труппу!).

Семь.

Деревянные ноги зацепили батут.

«Ты – нефотогенична... твои волосы – ужасны... И вообще... Воображать меньше надо... Кроме того... Семь – хорошая отметка».

Девочка улыбнулась (она всегда улыбалась, когда думала): «Учительница – корова? Нет. Ведь она не любит детей».

Перевел с литовского Clandestinus

Светлана КАРПУХИНА

На вокзалах

Уже сейчас я понимаю, что жила не зря. Я видела столько разных людей. У каждого своя история, о каждом я могу вспоминать часами, рассказывать... но это только люди, которых я люблю. Иногда всплывает в памяти давно забытый образ, но все такой же, не изменившийся, такой же, как и прежде. И тогда я думаю о том, что, может быть, и у других так... может быть, кто-то тоже живет этим. Когда знаешь, что любовь не проходит, она часть нас и живет в человеке, трогает его за живое, заставляет улыбаться и думать над тем, что все – что было – не исчезло, а осталось. Лица людей в новом городе... когда-то прикосновения, каждый раз все выше и выше дома, и чистый снег на шоссе... это все часть жизни – самое дорогое, что есть у человека.

Было все: и любовь, и друзья, и огни вокзалов, и пустота. Но я не жалею ни о чем. Даже об одиночестве, хотя только люди могут заставлять улыбаться и жить искренне. А кто-то лезет в душу. Ведь я же тоже этого не люблю... Скоро все будет по-другому.

И опять вокзалы, с чужими лицами любимых людей....

Нежно и навсегда

Знаешь, сегодня я не та. Сегодня я не плачу в ванной и с улыбкой строю планы на следующую неделю. Сегодня мне грустно. Сбылось то, что я хотела – он ушел. И мне легко. И я улыбаюсь. Когда капли воды из струи душа падают на губы – думаю о зиме. Уже второй день у нас зима, а я иду по улице в распахнутой куртке. Я открыта. Зимой у нас снег и ветер. Я застегнулась. Он ушел. Я попросила - и он ушел. Странно. Грустно. Капли душа текут по щекам. Я вытру их полотенцем и включу «Уходи». Послевкусие... Закрою глаза, чтобы больше никогда такого не повторилось. Ничего не приснится.

А я встану ночью. Зайду в ванную, не включая свет, открою кран. И снова капли. Брызги расплескались. Я смыла последнее послевкусие и нежно стерла его полотенцем. Закрывает глаза. И ничего больше нет. Я знаю, что все проходит, все можно стереть из памяти. Он – лишь одна капля теплой нежности, душа, которую больше не ищу. Нежно и навсегда.

Сергей ПОГОНЯЕВ

ПАРАЛЛЕЛИ

Калининград, 1947 год

Два года, как закончилась война,
А в Кенигсберге оставались люди.
Куда им было деться? Будь что будет!..
Но, как клеймо, была на них вина.

Понурые руины у реки,
где немцы полусонные шатались,
поскольку лишь немногим полагались
спасительные скудные пайки.

Стал Кенигсберг для них не город – склеп.
На жизнь питая слабую надежду,
они несли последнюю одежду,
чтоб выменять ее на черный хлеб.

Они брели, придавлены виной,
труп мальчика на улице валялся.
Тогда смертям никто не удивлялся,
и трупы обходили стороной.

И белый свет для них уже померк.
В то время дела не было до немцев.
Истерзанных войной переселенцев
везли составы в бывший Кенигсберг.

Янтарь

Осколком солнца маленьким горя,
он с древних пор прибалтами обласкан,
и все кочует по народным сказкам,
удачу и везение даря.

И люди собирают янтари,
бредут гуськом по берегу морскому.
Янтарь, по толкованию людскому,
свет солнечный вобрал и цвет зари.

Порой волна, свой бег к земле направив,
на берег вкатит, словно на алтарь,
и прочь уходит, на песке оставив
запутавшийся в зелени янтарь.

То прошипит волна, как отзвук дайны,
а то заржет, как вздыбившийся конь.
...Я увезу с собой кусочек тайны –
осколок солнца, спрятанный в ладонь.

* * *

А поезд мчал к родным истокам,
и этому безмерно рад,
я ехал с Дальнего Востока
в свой западный Калининград.

Такая вот метаморфоза:
на протяжении пути
по всей стране трещат морозы, -
в Калининграде льют дожди.

- Привет тебе, мой край дождливый!
В ответ мне брызги на стекло.
Попутчик, прежде молчаливый,
ожил, почувствовав тепло:

- У вас, видать, на дождик мода,
все льет, без устали, что зря.
Какая странная погода
для середины января.

Тут вспомнил я, как слышал что-то,
но мудрость в том не признавал –
про кулика и про болото.
И я попутчика прервал.

Ему сказал я:

- У природы
ничто не делается зря.
И это чудная погода
для середины января.

А он взглянул немного боком
(как будто я слегка того...)
и вспомнил как бы ненароком,
что кто-то где-то ждет его.

Видать, его ответ мой пронял,
и он ушел (вперед спиной).
Ведь он, чудака, того не понял,
что этот город мне родной.

Елена КАРНАУСКАЙТЕ

Елена Карнаускайте - автор трех сборников поэзии: „Лосиха в море“, „Вага“, 1990; „Мост из пепла“, „Вага“, 2000; „Из песков“, „Вага“, 2004. За последний сборник поэтесса номинирована на приз международного поэтического фестиваля „Весна поэзии“ и награждена призами телевидения и радио города Каунас, а также специальным призом читателей журнала „Немунас“.

Стихи Е. Карнаускайте переведены на русский, шведский, итальянский, польский, ла-

тышский, болгарский языки. Стихи поэтессы включены в разные иностранные сборники, которые репрезентируют современную литовскую поэзию: Clandestinus „По стопам литовских волхвов“, 2005, Клайпеда; „Litauen diktar: mote i griningen (26 samtida poeter)“, Stockholm; „Quel sussuro di nordiche erbe“ („Antologija della poesia lituana contemporanea“), 2006, Bari, Italia; „Antologija na sjevremenata litovska poezija“, 2007, Sofija.

Письмо к подруге

Ауре

здравствуй пишу тебе письмо об этом лете
и об этом отпуске как ты поживаешь здоровы ли
дети разводишь ли в огороде большие-пребольшие
цуккини закончил ли муж в беседке строить
камин как поживаешь помнишь ли ты
леденящее общежитие на улице Восхода
как там было холодно до мозга костей
слушаешь ли ты музыку по ночам укутавшись
в одеяло и прикуривая сигарету от сигареты
как поживаешь почему не пишешь не звонишь
не охватывает ли скука когда готовишь
варенье или прикрикиваешь на детей не тоскуешь ли
по маленьким удовольствиям и грешкам
по недозволенной любви сплетням и слезам
вечеринкам не желаешь ли ты спать до полудня потом тащиться
на последнюю лекцию по мне не тоскуешь ли
или по себе в том белом костюмчике ты прятала
его на антресолях все мы знали где сохранился ли
он у тебя хотела бы его одолжить правду говоря
потому и пишу

Императивы

исправь ошибки исправь сочинения
поправь воротник рубашки погладь
белье вытри пыль купи хлеба
попробуй яблоко включи телевизор
не двигай ногами оденься потеплее
не забудь ключи возьми зонтик не звони
если придешь поздно выключи свет
не расходуй теплую воду не передави
зубную пасту ложись спать закрой глаза
спи без сновидений проснись уже утро

пора на работу когда придешь свари картофель
помой посуду приберись в кухне только
не останавливайся только иди только тик-так
только тик-так

* * *

шершавыми язычками кошки
старого города слизывают небо
покрытое инеем солнце робко
выглядывает и пытается улыбнуться
тебе и воскресенью рыжим уткам
в тихих садовых прудах осени
дубовые листья похожие на перья
шуршат под ногами уже последние
письма написаны и отправлены

Превращение

в диком свете полнолуния
отрываюсь от прошлого как змея
выползаю из старой кожи резко
и мучительно боль пронизывает
все тело от самых корней волос
до сердцевины вонзается жизнь
кто говорил что все обойдется

Tyto alba

чувствую как понемногу
мое тело превращается
каждое утро просыпаюсь от
мучительной боли в суставах
пальцы еле-еле разгибаются
кожа покрывается то ли пухом
то ли нежной пушинкой
чувствую как ухожу отсюда
в иное бытие в другую жизнь
не удивляйся если возвратившись
домой застанешь не женщину
на самом краю балконных перил
с раннего утра сидит перепуганная
со-ви-ха

Как выловить рыбу?

ветер приносит запах водорослей
запах озера удочки выстроенные у стены
молчат опасные как ружья рыбы
глаза похожие на застывающее стекло
все медленнее двигаются их шелковые
плавники я представляю им угрозу
легкое веяние смерти в воздухе
я и есть тот жестокий палач который
спокойно и уверенно готовит гильотину
готовит западню я выловлю тебя
о хитрая серебряная рыба придумаю
как заманить тебя в капкан о дикий месяц
мой невод сплетенный из коварства

и отчаяния мой невод похож
на сладкий сон или внезапную смерть
вот и скользишь в нем моя любовь

* * *

удушливая жара этого лета
не благосклонна к жизни но трава
пробивается сквозь разломанный асфальт
тонкая вена пульсирует на внутренней
стороне запястья напоминая о старом
долге старом шраме отчаянии
неизвестности вине пытаюсь искупить ее
поливая цветы опекая всякую
живность нет, не собак и не кошек
жалею пауков, улиток, те, большие
виноградные напоминают кроликов
когда их режут такие
жалобные и розовые глаза
по утрам трава сочная и тяжелая
коса садовника только вжик-вжик
острые сверкающие лезвия
острые звуки косят
утро и вечер как выжить
как смогу противостоять
собираю переспелую смородину
сок въедается в еще не зажившие
ранки это неважно важно
что на кухне банки варенья
строятся в четкие и твердые
ряды это мои часовые
мои воины чтобы этот день
этот час защитить

В плену у языка

кошачьи следы ложатся на снег
один за другим уходят в даль
рассыпаются как буквы жалобные
и ясные через хрустящее поле через
чужой словно кости белеющий день
аккуратно нанизанный красиво вычеканный
даже глупо разгадывать тот узор то письмо
когда приближается вечер только негативы
только запятые только падежи как петли
стягивают слова и не позволяют заговорить.

Перевод автора

Анатолий БАХТИН

3-я мировая война

Пять дней из жизни друзей и знакомых во время 3-й мировой (продолжение)

Наблюдение за воздушным противником должно быть круговым и осуществляться непрерывно. С.49

День четвёртый

9.29 по московскому времени

Утром на горизонте появилась невысокая фигура человека.

Пехотинец, попивая на крыльце кофе, внимательно наблюдал за ним. В это время из штаба вышел капитан ВВС и стал уточнять, пролетал ли после ужина турецкий самолёт.

- Трудно сказать, - ответил пехотинец, не спуская глаз с приближающейся фигуры. - Полагаю, что ужин вчера затянулся, и турецкий лётчик, который, как ты знаешь, прилетает после приёма пищи, не дождавшись его окончания, лёг спать.

Петрович отправился в сараюгу опрашивать младший состав БОНПОТД. Вскоре из сарая вышел Эдик в накинута на плечи шинели и сапогах на босу ногу. С тревожным выражением глаз он шаркающей походкой направился к лопухам.

Пехота, допив кофе и выкурив сигарету, зашёл к начштабу.

Начштаба с пограничником, мучаясь, обсуждали проблему художественной графики.

- Саныч, дай бинокль, к нам какой-то подозрительный приближается с севера, - попросил Палыч.

Подозрительным заинтересовался и пограничник Любкин.

Вместе с Палычем они вышли на крыльцо и стали в бинокли разглядывать приближающегося человека. Не дойдя километра три, тот присел на обочину перекурить. Тут его догнало легковое такси, скрыло клубами пыли и проскочило мимо.

Машина остановилась у крыльца, из неё, хлопнув дверью, выскочил Вадим Храппа в чёрном берете с якорем на кокарде и в тельняшке. В руках у него был автомат Калашникова 5,45, на поясе два подсумка с магазинами и какой-то кинжал в кожаных ножнах. Заметив пехотинца, он обрадованно обнял его и спросил:

- Палыч, это что за контора?

- Спецбатальон! - гордо ответил тот. - По отражению турецкого десанта.

- Ну, значит, на место прибыл, - обрадовался Храппа и полез в багажник за вещами.

Расплатившись с шофёром, он вытащил из заплечного мешка-сидора бутылку иностранной формы и предложил всем выпить:

- За жуть, которая тянется шестьдесят восемь лет.

Подошедший Эдик взял бутылку в руки и, морщась от головной боли, сказал:

- Конца не должно быть, должно быть вечное начало.

И присосался к бутылке.

Пограничник перехватил бутылку и, задумавшись, произнёс:

- За состояние инкогнито!

И хватанул приличный глоток.

Палыч, которому добавить было нечего, молча отпив, передал бутылку морскому пехотинцу и спросил:

- Как тебя сюда занесло?

Допив бутылку, Вадим закурил и начал с удовольствием рассказывать, как их в Балтийске ночью посадили на десантные корабли и отправили в сторону Борнхольма.

- Ночь выдалась тёмная, и наше корыто где-то на противолодочном зигзаге, выпав из кильватерной колонны, затерялось в Балтийском море. Под утро подошли к какому-то вражескому острову. То, что остров не наш, было видно невооружённым глазом: чистенький, аккуратненький. Чтобы не болтаться на виду у противника, командир корабля отдал приказ на высадку десанта. Наша рота тихо высадилась и пошла вперёд. Пройдя ухоженный лесок, вышли на окраину городка. Осмотрелись - народ вражеский спит, никаких натовцев нет. Ну, мы двинулись дальше, дошли до местного ресторанчика и усугубили. Дальше не пошли, почту и телеграф не захватили, а вражеский народ, воспользовавшись нашей оплошностью, доложил куда следует. К обеду нас окружили и предложили интернировать. Мы долго удивлялись, почему не в плен? К вечеру выяснилось: высадили нас не на датский Борнхольм, а на шведский Эланд. Миль

на 150 промахнулись. Шведы оказались нейтральными, с нами не воюют. Интернировали нас по полной программе. Уход был как в кремлёвской больнице – культурненько. Питание трёхразовое, пайки большущие, даже бананы каждый день выдавали. А заборчик был простой деревянный, никакой колючей проволоки и никаких тебе вышек. Выход свободный через КПП, только «бобов» мало давали. Но если выпить надо, а надо всегда, пошёл в город – мы рядом с Йоррчёпингом находились, продал что-нибудь на сувениры. Водка, правда, дорогая, но на пиво хватало. Ребята поначалу шикарные простыни и пододеяльники, на которых спали, пытались аборигенам продавать. У нас же это дефицит, а там никому на фиг не нужно. В начале значки все загнали, затем пуговицы, я – свою куртку. На бутылку потянула. И так мы две недели кайфовали, а затем нас в Союз Советских Социалистических Республик вернули. Я думаю, из-за офицеров. Их в отдельном домике содержали и платили, как интернированным офицерам, кучу крон. Так они напьются, и в город – к местным тёткам приставать. Особенно распоясался наш замполит хренов, к молоденьким под юбку норовил залезть. Прибыли мы в Вентспилс, нас быстренько расформировали...

В этот момент подошёл «подозрительный», которым оказался Солуянов Гена из Приморска. В старом танковом комбинезоне и шлеме с противударными накладками.

Палыч так и ахнул:

- А ты откуда взялся?

Танкист стал утверждать, что прибыл в качестве подкрепления для отражения турецкого десанта.

- Танки в штабе армии заказывали?

Подошедший шифровальщик подтвердил:

- Конечно, заказывали.

- Ну, вот меня и прислали.

На крыльцо выбрался командир. Узнав, в чём дело, приказал вновь прибывшим зайти к нему.

Из-за сарая потянуло пригоревшей кашей, и рота потянулась на завтрак.

Кто успел опохмелиться – с аппетитом закусывал, остальные вяло ковыряли ложками.

Старшина, держась за сердце, побрел с докладом к командиру батальона. Минут через десять стремительно вышел из штаба и, гремя пустыми котелками, направился на кухню.

- За закусью, - с завистью сказал Эдд и добавил, - я слышал, как у Храппы что-то звякало в «сидоре».

В этот момент в небе затарахтел движок турецкого аэроплана.

Капитан ВВС Шевченко Александр Петрович тотчас засёк по компасу, откуда появился вражеский самолёт, и, когда он с грохотом пролетел над головами, смачно щёлкнул секундомером.

- С юго-запада, - отметил он направление полёта. - Время 10 часов 33 минуты 44 секунды. А

ушёл на юго-восток в 10 часов 33 минуты 49 секунд. Наверняка на Севастополь пошёл.

Старшина с полными котелками и бочковыми огурцами, осторожно огибая ящики с противотанковыми минами, скрылся в штабе.

Все сосредоточенно сглотнули обильную слюну.

Вскоре в штаб потянулось всё руководство роты. На улице остались шифровальщик, сапёр, ефрейтор Старцев и пехотинец.

Пехотинец тихо радовался, надеясь, что артиллерийских стрельб сегодня не будет.

Эдд, цыкая после завтрака зубом, беспечно вскрыл ящик с маркировкой УТМ-ВКС Т-34/80. Окружающие, с подозрением относившиеся к этим ящикам, на всякий случай залегли и заорали на Эдика:

- Не лезь, дурак, в ящик! Вдруг рванёт?

Сапёр от растерянности присел и заглянул в ящик. Сверху лежала бумага, в которую были упакованы какие-то детали. Взглянув на маркировку Т-34/80, он предположил, что это запчасти от танка Т-34, усовершенствованного в восьмидесятом году.

Шифровальщик засомневался, что есть такой танк. Сообща решили вызвать из штаба Солуянова. Танкист вышел сильно подшофе, доедая солёный огурец. Разглядев маркировку, он уверенно сказал, что таких танков в Советской Армии нет. Чем ещё больше возбудил младший состав батальона.

- К той самой матери эти ящики, - сказал ефрейтор. - Давай свалим их с обрыва и заживём спокойно, иначе можем взлететь здесь на воздух, и будут нас на совок веничком собирать.

На крыльцо вышел старшина и, увидев открытый ящик УТМ-ВКС Т-34/80, заорал на сапёра страшным голосом:

- А ну закрой, так тебя перетак, башку оторву, если ещё раз увижу, что ты в этих ящиках ковыряешься.

Держась за грудь, он присел на крыльцо и закурил «Беломор». За старшиной повалили во двор вышестоящие и политотдел.

Эдуард завистливо спросил у зама по тылу:

- Что пили?

Малов с удовольствием:

- Коньяк импортный и вино. Под бочковой огурец очень хорошо залегло.

Командир, наткнувшись нетвёрдым взглядом на стоящие пушки, решил продемонстрировать артиллерийский залп.

Политотдел сразу скрылась в блиндаже.

Серёга предложил товарищам офицерам пройти с ним на гаубичные позиции.

Начштаба, вспомнив, что у него сегодня медитация, вернулся в штаб.

Зам по тылу, сказав, что ему надо срочно писать жене письмо, пошёл в ленкомнату.

Капитан ВВС отправился наносить на карту маршруты турецкого самолёта.

Пограничник – выискивать следы натовских диверсантов.

Оказавшись один, старший лейтенант предложил бабахнуть Палычу. Тот отказался, сославшись, что ещё нет 12 часов. Огорчившись, Серёга пошёл перед залпом соснуть.

Рядовой состав в ожидании обеда залёг в тенёчке у сарая.

Шифровальщик пытался поймать вражий голос. Но, кроме советских народных песен вперемежку с военными маршами, ничего поймать не смог. Выйдя из сарая, он возмущённо сказал:

- Все приличные радиостанции накрылись, похоже, Мюнхен тоже взят - «Свободы» нигде нет.

Присев на один из ящиков, он закурил, подставив лицо мягкому солнышку.

Неожиданно скончалась мелодия, и застонал диктор, сообщая последние известия:

- Великий вождь товарищ Ким Ир Сен обменялся крепким рукопожатием с его величеством императором Центрально-Африканской Империи Бокасой I. Запад грозит нейтронной бомбой, Китай планирует использовать в разразившемся конфликте проверенную трехлинейную винтовку образца 1891 г.

- Послушай, - обратился Палыч к Храппе. – Кажется, Бокасу Первого и Центрально-Африканскую Империю несколько лет назад упразднили, у них там какой-то переворот был.

- Коммунисты, наверное, реанимировали, - хотя, но уверенно ответил Храппа.

- Так Бокаса же людоедом был, - удивился Палыч.

- А они кто? - возмутился Храппа.

Все промолчали.

Диктор заканчивал: «...великая партия Ленина ведёт нас к новым победам». Следом зазвучала стоматологически нудная опера советского классика.

- Выруби эту бодягу, - попросил подошедший Старцев.

- Ты уже закончил оформлять стенды отличников военной и политической подготовки? - спросил сапёр.

- Я по приказу старшины резал для тебя трафарет «не влазь, убьёт», чтоб в ненужных ящиках не ковырялся.

Подошёл и прилёг на травку старшина. Закурив папиросу, наехал на сапёра:

- Эдд, ты что, совсем без башки, почему по всему двору противотанковые мины разбросаны?

Эдуард тут же заложил пехотинца:

- Да это Палыч ящики из-под мин на дрова для кофе колет.

- Да они без взрывателей, - начал оправдываться Палыч. - Что с ними будет?

- Всё равно – непорядок, - сказал старшина. - Ночью шёл в лопухи, как звезданул ногой об мину...

- Сапоги надо надевать, - посоветовал пехотинец и, чтобы сменить тему, спросил:

- Гена, а ты как здесь оказался?

- В Страсбурге, на здании Европейского союза, заметил: какой-то не наш флаг развевается, ну и скинул его к той самой матери, а он оказался каких-то союзников по Варшавскому договору. Не то чехословацкий, не то венгерский. Те – протест, мол все победы себе хотите приписать, ну и особый отдел, чтобы замять дело, отправил меня в тыл.

- Ну и как там, в Европе? - поинтересовался морской пехотинец.

- Да сплошное непонимание, - ответил танкист. - Стояли мы в городке Хайдельберге, вдрызг раздолбанном нашей авиацией, я с одним старым немцем разговорился, оказалось, наш земляк из Пруссии, так он такой недовольный, что мы их от американцев освободили. Говорит, они им демократию принесли, и благодаря американцам у них «экономическое чудо» случилось. Жизненный уровень самый высокий в Европе.

- А где он жил в Пруссии? - спросил Эдик.

- Говорил, из Нойхаузена, недалеко от Кёнигсберга.

- Да это Гурьевск сейчас, - вставил свои «две копейки» Палыч.

- Он спрашивал про кирху и замок, - продолжил Гена.

- Кирха сейчас заброшена, а в замке автоколонна какая-то расположилась, гаражи у них там, - опять влез со своими познаниями Палыч.

- Ну, мы выпили с ним за Родину, но шнапс у них отвратный, меньше 40 градусов, - закончил танкист.

- А вот в Швеции, - влез морской пехотинец, - отличная водка и пиво классное...

В это время подошёл пограничник и предложил прочесать бугор в трёх километрах от штаба.

- Есть подозрение, что турки заслали туда диверсанта.

- Отлично, - сказал пехотинец. - Отправим на прочёсывание Храппу. Он у нас один при автомате.

Старшина предложил отложить прочёсывание на неделю, обещая за это время достать оружие.

Пограничник устроился рядом, накрыв фуражкой лицо.

Наступила тишина.

Вдруг пограничник, приподняв голову, сказал:

- Кажется, турецкий самолёт летит.

- Не может быть, - сказал пехотинец. - Ещё беда не было.

Все прислушались.

- В самом деле, - сказал старшина. – Что-то летит, но звук какой-то странный.

- Кажется, из блиндажа, - добавил шифровальщик и пошёл на звук. Добравшись до подземного убежища, он открыл дверь. Снизу тархтел голос начфина, рассказывающей политотделу о Серебряном веке русской живописи:

- Малевич, Филонов, Татлин и Ларионов прославили Россию навеки...

Шифровальщик прикрыл дверь и улёгся на место.

12.49 по московскому времени

Пехотинец, глянув на часы, пошёл в дальний угол выбирать ящик посуше. Высыпал в лопухи мины, нарубил дров, сварил кофе и уселся на крыльцо.

Припекало солнце. Лето было в разгаре. Пехотинцу хотелось залезть в воду и плыть к горизонту, рассекая носом воду, как крейсер «Аврора». Но пехотные и противотанковые мины Эдуарда Рогинского грубо прерывали его мечты.

От кухни потянуло едой.

«Значит, скоро прилетит турецкий самолёт», - подумал пехота.

Докурив сигарету, он посмотрел на севшую на забор страхолудную чайку.

«У нас на Балтике чайки красивее», - решил он и пошёл на раздачу пищи.

У полевой кухни изощренно, вставляя иноземные ругательства, матерился Храппа:

- Вот жена пишет, какой-то самолёт с красной звездой упал в огород, и вся картошка пропала! Как теперь до победы дожить?

- А когда это случилось? - осторожно спросил капитан Шевченко.

- Недели три назад, - ответил Вадим.

- Это мой самолёт «Ту 22р», - разъярил капитан. - Керосин закончился, мы и рухнули.

После обеда, когда личный состав отдыхал, на крыльцо вышли бородатый Саныч и ефрейтор Ильичёва в трофейных очках и с дымящейся трофейной сигаретой во рту. Пригласив с собой девушек, они отправились на обрыв загорать.

В небе показался турецкий самолёт.

Шевченко тут же выхватил компас и секундомер и со вкусом произвёл привычную операцию.

Низко пролетевший аэроплан мягко исчез в голубом пространстве.

На крыльцо вышел помятый со сна командный состав. Старший лейтенант недовольно пробурчал:

- Как долго это будет продолжаться?

И недоброкачественно посмотрел на представителя ВВС ВМФ.

Петрович доложил:

- Ещё пару замеров, и вызываю перехватчик.

Командир батальона ушёл досыпать, а зам по тылу отправился писать письмо жене.

- Плохо, когда сон перебьют, - сказал Эдик и, подобрав пару раскиданных пехотой мин, пошёл минировать побережье.

Глядя вслед сапёру, пехотинец вспомнил, как месяца два назад Эдд заходил к нему среди ночи.

Сапёр, тащивший к берегу противотанковые мины, тоже вспомнил этот случай.

...Эдик метнул на холст остатки белил. Отбросил в угол мастихин и отер с лица пот. Портрет почти готов. Остались незаконченными незначительные детали. Конечно, если ещё добавить полтюбика крапачку и чуть поменьше ФЦ зелёной, можно было бы убедительней подчеркнуть излом брови. А чтобы усилить характерный блеск левого зрачка, достаточно и трети тюбика ультрамарина с добавлением граммов 100 охры. Но есть моменты, вызывающие сомнения, а для этого нужна консультация извне. Придётся зайти к соседу, поинтересоваться, что он сегодня курит? Выйдя в общий коридор, он толкнул дверь к Палычу. Тот, как всегда в это время, спал, накрыв рёбра накидкой. Извинившись, Эдд растолкал Палыча и предложил выслушать своё последнее поэтическое произведение. Палыч бестолково пялился на Эдуарда и пытался выяснить количество времени. Старый помятый будильник показывал 5 часов утра.

Придя немного в себя, сосед сказал:

- О'кей, начинай.

Извинившись ещё раз и закурив чужую сигарету, Эдуард затарахтел с подвыванием.

*Художники ватагой шумной
С этюдником по Пруссии ходили,
Творили, говорили, водку пили...*

По окончании он опять разбудил Палыча и вопросительно посмотрел на него.

Палыч сказал:

- О'кей, - и прикрыл глаза ресницами.

Эдуард закурил чужую, вполне приличную (с фильтром) сигарету и стал выяснять проблему ужина. Обсосал все варианты и пришёл к выводу, что лучше, чем у Мирочки, не накормят.

Сунув в карман спички Палыча, Эдд пригласил его на просмотр очередного «шедевра». Жалобно застонав, Палыч пытался отложить это мероприятие на попозже. Но Эдд настоял, якобы нуждаясь в совете.

Притащившись к Эдду, Палыч завопил хриплым спросонья голосом:

- Ну, Эдд, молодец! Ну, о'кей! Ну, гений! Вот сюда бы ещё грамм 150 кадмия жёлтенького, а на плечо можно лиссеровочкой набросать грамм 76 тоже кадмия, но уже красненького, и Маринка будет просто блеск.

- Да это вроде и не Маринка, - слабо завозничал Эдик. - Это портрет Ригуля Юрика, разве не заметно? Почти половину килограмма цироллеума на бороду выложил.

- Пардон, - извинился Палыч. - Точно, на Юрика даже больше похож, чем на Маринку. Но если присмотреться, то и на Маринку тоже, а ресница, разве у Юрика будет когда-нибудь такая ресница? Ты подумай. Я, естественно, не берусь утверждать, что это Маринка, это, конечно, дело автора, а ты, может, в ней видишь Юрика. Но у Марин-

ки скоро день рождения, так что можно будет ей вручить, а у Юрика уже прошло это мероприятие. Саныч наверняка не возьмёт, даже если скажешь, что это он. Ему и так уже вешать негде твои работы.

Эдик задумчиво приторчал от такой кучи доводов. Пошарил пальцем в затылке, поковырял в носу и, взяв кисть, подписал: «Маринка».

«Хорошие были времена», - подумали сапёр с пехотинцем.

Эдик на берегу присыпал противотанковые мины, а Палыч с обрыва наблюдал, как он это делает.

Глядя в прозрачное небо, старшина поинтересовался у Филиппова:

- Какие новости на фронтах?

Шифровальщик, жуя травинку, нехотя доложил:

- В Европе наши спеклись, давно нет сообщений о взятии городов. В южном Казахстане фронт стабилизировался, а вчера турки рвались к Армавиру. В эфире идут разговоры, что наш батальон пошлют в Европу, похоже, там полный пиндец.

- Ну, это когда ещё будет, - сказал старшина.

19.19 по московскому времени

Перед ужином припылил грузовичок с очередными ящиками. Старшина, расписываясь в накладной, выяснил, что прислали карабины СКС с одним цинком патронов, и начал возмущаться:

- Почему не АКМы и патронов так мало?

Сопровождающий грузовичок прапорщик ответил:

- Радуйся, что не трёхлинейки с ПППШ, для вашего спецбатальона последнее со склада получил. Если война продлится ещё неделю, в атаку придёт идти с револьверами системы «Наган».

Старшина в растерянности почесал бородёнку.

Подошёл прапорщик и, как только отъехал грузовичок, посоветовал:

- Завтра утром, после завтрака, надо собрать весь рядовой и младший состав и провести учебные стрельбы, а то я сомневаюсь, что эти карабины стреляют.

Обрадованный старшина добавил:

- Даже если они и стреляют, то наверняка не попадают.

С пляжа вернулся Эдд и стал приставать к танкисту:

- Это правда, что есть плавающие танки?

- Есть, - ответил Гена.

- А как же они плавают, они ведь железные?

Солуянов промолчал.

- Корабли тоже железные, - сказал Палыч.

- Корабли — они, чтобы плавать, - ответил Эдик.

- А самолёты — чтобы летать, - добавил Палыч.

Разговор зашёл в тупик, и Эдик предложил почитать стихи:

- Только что сочинил. Про мир во всём мире и мирную жизнь.

Народ со вздохом стал расползаться в разные стороны, остался только индифферентный танкист. Эдд вдохновенно затарахтел:

Но пробудился он, и вот

Глаза завязли в паутине,

Кругом ненужные картины

Глядят, любясь, на себя.

Авангардист шепнул: - Где я?

И заскрипела тут скамья.

Уселся на неё мышонок,

Предупредив: - Поест не дашь?

Испорчу кисть и карандаш,

Сжую бумагу и картины,

Оставляю тлен и паутину.

Авангардиста взяла дрожь,

Хоть в снах богат был, словно дож.

Сказал угрюмо квартиранту:

- Ты не дождётся провианту!

Мышонок к вечеру подох,

Сжевав последние белила.

Авангардист же клял пройдох.

Потом весь вечер кошка выла.

Под эту оперу...

Эдд замолчал и извинился:

- Дальше ещё не решил, как закончить.

- Это ты — про Палыча. А про мир во всём мире? - спросил танкист.

- Потом, потом... - пробормотал сапёр и побежал в штаб за бумажкой.

- Подпёрло вдохновение, - решил Солуянов и перевернулся на спину.

Над расположением роты разлились запахи гречневой каши.

Храппа радостно воскликнул:

- Закусон готов, когда пить будем?

- С этим здесь всегда проблема, - сказал пехотинец. - Вначале закусь, а затем через неопределённое время алкоголь.

- Что за порядки?! - начал говниться Храппа. - Я, когда поем, пью без удовольствия. Это только шведские уроды вначале поедят, а потом пьют без закуски.

Из штаба вышла Михална в трофейных очках. Красиво прикурила трофейной зажигалкой трофейную сигарету, внимательно осмотрела двор, нашла глазами танкиста и сообщила:

- Гена, тебя, как танкиста широкого профиля, переводят в подчинение Филиппова, будешь радистом.

Разглядела за ящиками морского пехотинца и добавила:

- Храппа Вадим назначается в разведку.

Тот лениво на всякий случай выругался.

Полужинав, все стали поджидать обоз.

Петрович, расстегнув китель, присел на ящик и приготовил свои прибабасы, поджидая турка. Тот не заставил себя долго ждать. Вырулив с се-

веро-запада, снизился, на бредущем прошёл над расположением батальона и взял курс на Севастополь. Петрович после известных манипуляций стал записывать данные в блокнот.

Личный состав батальона не отрывал глаз от дороги. Обоз появился, когда уже стало темнеть, и блёклое небо окрасилось заходящими лучами. Загремели алюминиевые кружки рядового состава и гранёные стаканы офицеров.

Храппа, привыкший пить из горла, неожиданно оказался без емкости. Вытащив из подсумка магазин, он стал отщёлкивать патроны. Освободив его от боеприпасов, поднял над головой рожок и сказал:

- Ровно двести пятьдесят граммов, и к бабке не ходи.

И хотя его объём даже на глаз был гораздо больше, все промолчали.

22.01 по московскому времени

Подтащился обоз со спящим Борей. Лошадь сразу направилась к лопухам и принялась их жевать. Подошедший Палыч торжественно поднял ящик и отправился в кабинет к командиру. Началась раздача.

Радисты ушли пить в сарай, штабные собрались у командира. Григуль туда же доставил из блиндажа тихо возникавшую Мирочку, утверждавшую, что она в завязке. Шостак, выпив с ними, отправилась в ленкомнату к Старцеву. Среди вождей и членов политбюро она чувствовала себя намного уверенней.

Пехота сухопутная и пехота морская с прикнувшим к ним сапёром устроились во дворе, соорудив из ящиков с противотанковыми минами стол. Вскоре к ним присоединился и проснувшийся от раздавшихся в тишине бульков Боб.

Выпив первую бутылку противотанковой жидкости, Храппа начал рассказывать, как хорошо быть интернированным:

- Понимаешь, вечер, закат, сосны вокруг, свежий ветерок обдувает отравленную алкоголем голову, и такие мысли в голове... хоть роман пиши.

Боб тем временем плеснул по емкостям и сказал:

- Касаемо мысли!

Затем, чокнувшись со всеми, он впустил в себя жидкость и продолжил:

- Когда я служил под знамёнами генерал-майора Яшкина, он неоднократно их высказывал. Иногда задумается так и говорит: «Вывести бы вас в чистое поле, поставить лицом к стенке и пустить пулю в лоб, чтоб на всю жизнь запомнили».

Замолчав, Боря взял бутылку, разлил по емкостям и неожиданно закончил:

- ДОСААФ это дело добровольное, а не так: хочешь участвуешь, а хочешь нет.

Вечер выдался душевным, и командиры перебрались на крыльцо.

Старшина медленно перебирал струны гитары, и мягкая задумчивая мелодия плавно вползала в души служивых.

Растроганная Мирочка размышляла: «Может, поплакать? Так всё прекрасно. Такой незабываемый вечер. А может, не стоит, и так хорошо».

- Слабовато, - сказал Палыч. - Ноту «до» надо брать на два такта выше.

- Это тебе не «смерть клопа» играть! - стал с ним спорить Эдик.

Мелодия резко оборвалась, с крыльца донеслись ритмичные плотки.

- Профессионально пьют, - сказал Храппа. - Как парторги.

Боря, сглотнув слюну, кинулся разливать.

Все хватанули.

Подошедший танкист сказал:

- Вразной глотаете.

Совсем стемнело. На небе вяло светила обгрызанная луна, местами проглядывали маленькие звёздочки.

- По звездам можно узнать не только судьбу человека, но и его звание, - вслух подумал Солуянов.

Храппа, заглядевшись на небо, сказал:

- Не верю, что где-то ещё на другой планете может быть такая жизнь. Чтоб с большевистскими коммуяками, сосал-демократами и всякими там буржуинами-капиталистами, либералами с консерваторами. Всю эту хрень мог придумать только воспалённый мозг хомо сапиенс, который вчера перепил, а сегодня не опохмелился.

- Нет, - сказал Палыч. - Тут я не согласен. Может, на других планетах жизни и нет. Не спорю, не доказано. Но все эти революции, контрреволюции, октябрьские перевороты, мятежи, бунты, путчи, войны локальные, войны мировые и гражданские всё-таки необходимы человечеству. Это его естественное состояние. Наряду с любовью ему даны зависть, подлость, страх, жажда власти, ненависть и так далее. А «человек человеку друг, товарищ и брат» - утопия. Вся ваша писательская деятельность сразу усохнет. О чём писать, если нет конфликта? Все любят друг друга, природу, животных... Розовые сопли в прессе, на телевидении и в кино.

- Как сказал Конфуций, - влез Боря, - человек не умирает рано, человек не умирает поздно, человек всегда умирает вовремя.

Чтобы было веселее, развели костер из ящиков из-под мин.

Командный состав постепенно переместился к огоньку.

(Окончание следует)

Краеугольный камень

Сергей Александрович Снегов (Штейн) выделялся среди калининградских писателей большой эрудицией, он многое пережил и о многом успел написать. Первая мировая и гражданская войны, революция, голод двадцатых годов, НЭП, карьера ученого-атомщика, арест, Норильск - вот далеко не все этапы его пути. Память у него была уникальная. Лысая голова, лоб мыслителя, тяжелый пронзительный взгляд, легкое грассирование и очень спокойный, ровный тон речи. Таким запомнил я его с первой нашей встречи, в начале шестидесятых годов. Он приехал в Калининград после реабилитации. Пятнадцать лет ГУЛАГа не раздавили его и не состарили, ему в ту нашу встречу было лет шестьдесят пять, но выглядел он пятидесятилетним. Знания у него были энциклопедические. В тот первый вечер в его доме я настороженно слушал умные речи и помалкивал. Не очень-то верил тогда, что в провинции может творить талантливый человек. И тогда, понимая это, мой друг - поэт Корниенко, который и привел меня сюда, убедил Снегова прочитать рассказ. Рассказ этот был о сталинских лагерях, тема тогда еще полузапретная. Назывался он «Жить тебе до первой пурги». Был он об одном садисте-конвойном, которого решили проучить зэки. Уж слишком он издевался над людьми. Там, на Севере, при переходе по тундре к месту работы, если начиналась пурга, зэки и конвойные сжимались вместе, в единую массу, и чтобы не замерзнуть, все время менялись друг с другом, обогрелся внутри - давай наружу под колкий ветер и сорокоградусный мороз. Только так можно было выдержать. И вот этого садиста, когда началась сильная пурга, вытолкнули за круг.

Рассказ просто ошеломил меня, ведь подобного я еще ни от кого не слышал. А здесь сидел передо мной не просто писатель-выдумщик, а человек, который наверняка в эту пургу тоже был вместе со всеми. И Снегова я сразу зауважал и на долгие годы стал его учеником. Жили мы почти рядом, и часы, проведенные с ним, многое для меня определили.

У него в те годы стали выходить книги, первый его роман был напечатан в престижном «Новом мире», и, конечно, в нашем городе сильнее его писателя не было. За свой фантастический роман «Люди как боги» он получил премию «Аэлита». Писательская организация только создавалась. Он стал ее краеугольным камнем, недаром его фамилия Штейн - в переводе - камень. И не только «камнем», он был ее совестью.

Писал он много и регулярно. С утра садился за стол, стол этот был деревянный, не покрытый никаким лаком, неокрашенный, и Снегов с этим столом не расставался. Писал перьевой ручкой, макал ее в старую железную чернильницу, стряхивал лишние чернила, и потому на столе было множество чернильных пятен. У всех пишущих уже были и шариковые авторучки, и машинки, он этого не признавал, я как-то заметил ему, что быстрее и удобнее было бы писать авторучкой. Он сказал: «Я должен думать, когда пишу. Когда я макаю перо в чернильницу, у меня есть время, чтобы подумать, прежде чем вывести слово на бумаге. А вы любите спешить!»

В те годы все определяли в обкоме - и план местного издательства тоже там согласовывался. Первым секретарем был деспотичный властитель, при одном виде которого у его подчиненных подгибались колени и выступал пот. Снегова в обкоме не жаловали, он был чужой для них, коммунистов. Но подмять его у них уже не было сил. И не тот он был человек, которого можно остановить. Он, минуя заслон секретарей и помощников, входил в кабинет местного властителя и говорил с ним на равных. Он требовал свое и не уходил из кабинета, пока не добивался нужного решения. Мне он так передал свой разговор с партийным боссом: «Ты седой, - сказал он боссу, - а я лысый, нам нечего делить. У тебя в руках власть, у меня - слово. Власть - временна. А слово - вечно. Не вставай на моем пути!»

Снегов, казалось бы, наученный жестоким опытом сталинской школы жизни, был способен на очень резкие выступления. В конце шестидесятых годов по настоятельному требованию местного властителя взрывали руины Королевского замка, это было варварство, эти взрывы лишили город исторического центра. И одним из первых выступил против взрыва замка Снегов. На собрании интеллигенции он встал, посмотрел на сцену, где висел плакат, на котором написано было, что искусство принадлежит народу и что его надо беречь, прочел вслух этот текст, говорил сначала тихо, а потом, повышая голос, выкрикнул: « Не дадим свершиться преступлению!» Всю свою долгую жизнь писатель постоянно противостоял бездумным чиновникам.

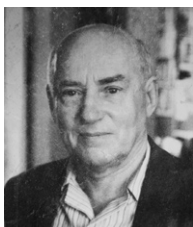
Умер он во вьюжный февральский день, была та самая пурга, которую он не раз описывал в своих норильских рассказах. В этот день, в час его

смерти, в доме остановились часы. А когда мы его хоронили, пурга усилилась. Земля будто не хотела его принимать, вихри снега заносили свежевывертую могилу.

Мы много сделали для того, чтобы память о нем осталась в городе, был назван его именем бульвар, на доме, где он жил, была торжественно открыта мемориальная доска. Его именем названа библиотека. Дети его, особенно дочь Татьяна, занялись

изданием его книг, вышло два фантастических романа, не издаваемых при жизни, и что самое главное — наконец пришел черед и его исповедального роману «Книга Бытия». Он успел описать свою жизнь до сталинских лагерей и тюрем. Книга свидетеля и очевидца, книга — обвинение эпохи — стала достоянием читателей благодаря поддержке областного правительства.

Олег ГЛУШКИН

Сергей СНЕГОВ

Из «Книги Бытия»

Вторая командировка привела меня в совхоз «Красный перекоп».

Шестьдесят тысяч гектаров угодий, тридцать тысяч — пашни, десять отделений, раскинувшихся на полусотне километров почти от самой Каховки до Аскании-Нова, центральная усадьба с двух- и трехэтажными домами городского типа... Перекопские окраины омывало море, оторачивал Днепр, к ним подступала заповедная ковыльная степь, такая же, как в эпоху половцев и татар, — в тот год ее было свыше тридцати тысяч гектаров (не нынешние жалкие пятьсот). А над совхозными просторами раскидывалось великолепное южное небо и звенели цикады, степь пугала черными пауками, пылила сухой трухой горячая, как из печи, засуха...

По величине «Красный перекоп» был вторым (после сальского «Гиганта») совхозом страны. Директорствовал в нем некий Шмидт, член ЦК компартии Украины, политотдельствовал Татьянин, красивый военный лет сорока, орденоседец, двухромбовик.

Я представился Татьянину, поглядел на невзрачного, заполошного Шмидта и получил направление в самое дальнее, почти у Аскании-Нова, десятое совхозное отделение — в помощь секретарю парторганизации Левартовскому, худому, злому, то трусливому, то отчаянному, ничего в происходившем не понимавшему и потому убежденному, что все средства хороши и возможны, ибо бога все равно нет, а исключения из партии не миновать.

В это время на Украине шла партийная чистка, в совхозе сидела комиссия, приехавшая, вероятно, из Одессы (если не из Харькова). И начала она свою работу с того, что отобрала у всех коммунистов партбилеты и предупредила: возвратятся они или нет — будет видно по сдаче хлеба. Воодушевление, вызванное таким честным заявлением, превзошло все мыслимые пределы. К мату мне и в Одессе было не привыкать (крепкое словцо шло за тире, за точку, за восклицательный знак), но в

«Красном перекопе» я впервые услышал, как разговаривают на голом мате, а для передыха, в качестве интонационных пауз, употребляют словечки из великого, могучего, свободного и прочего русского языка. Все это называлось идеологической и организационно-хозяйственной работой по хлебу. Хлеб выругивался, выбивался, выдибался, выщипывался и выкашивался.

А было его много... Коричнево-золотые поля, бескрайние, густые, шумели тяжелыми колосьями. Шелестящий этот гул начинался уже при слабом ветерке, бормочущий шепоток проносился по делянке в четыре квадратных километра (почти пятьсот гектаров!). Он превращался в грохот, если ветер усиливался, стебли и колосья толкались, сухие голоса взмывали вверх, крались по дорогам, — все гудело и гомонило. Я закрываю глаза и слышу этот шум обильного урожая, который неожиданно свалился на людей — и придавил их.

Комиссия, усердно исследовавшая квадратные метры на окраинах хлебных массивов (вглубь она, естественно, не забиралась), определила урожайность в 14 — 15 центнеров с гектара. Хлеба в местах определений, вероятно, было даже меньше — комиссии всегда завышали, они исходили из того, что лучше переложить, чем недоложить. К тому же если крестьяне соберут меньше — значит, будут сами виноваты: плохо работали, допустили потери урожая! А если окажется больше, чем определено, ни к черту будет уже комиссия: очковтиратели, предельщики, агенты гидры и кулаки. Этого эмиссары допустить не могли: они были свои, а не агенты, большевики, а не гидра.

На основании их определений совхозу установили сдачу в 1 800 000 пудов зерна. Шмидт, впад в отчаяние, доказывал, что план нереален. Он пытался объяснить, что сдаст все, что соберет (за исключением семян), не надо его торопить, он ведь не продаст на сторону ни единого мешка хлеба.

Его торопили. Его громили. На него обрушивались с неистовыми речами. От него требовали са-

морозоблачения, самоосуждения, самоотречения. Из ЦК били грозные телеграммы. В кабинетах висел сизый дым от пламенных формулировок. Шла жестокая принципиальная борьба — слова против слов, шабаш словоизвержений и словоплясок, вакханалия адских ярлычков.

И слово становилось делом. По южной Украине колом катился маленький человечек с большой лысой головой, крохотными злыми глазенками, серыми щеками и зычным голосом, немощный, щуплый, страшный, всех травящий и сам затравленный — генеральный секретарь КП(б)У Станислав Косиор. Он прикатил и на центральную усадьбу «Красного перекопа». На собрании, куда вызвали сельский актив и коммунистов, он разъяснил со всей авторитетностью вождя и мыслителя, что плохая хлебосдача проистекает от неумения руководителей развернуть на селе классовую борьбу.

— Где же ваша классовая борьба, когда девки на улицах песни поют? — испуганно вопрошал он, вонзая в собравшихся бешеные глаза. — Я еду по улице — поют, гады, завернул в переулок — надрываются! Делать им нечего! Вот она, ваша работа, каждому видна — смехунчики, хохотунчики... А где боевой марксизм-ленинизм, я спрашиваю? Где коммунистическая непримиримость, большевистская принципиальность? И при такой веселой жизни вы хотите, чтобы шла хлебосдача?

Люди боялись смотреть друг на друга. Какая, и впрямь, хлебосдача, когда девки песни поют? А меня терзали запрещенные сомнения. У меня болело сердце. Я сам пел с девками и гулял с ними. И не видел в этом преступления. И хлеб, который получали, удушив песни, становился мне горек.

Я, конечно, понимал, что трудности роста неизбежны — особенно когда перед тобой высокая цель, которая, как известно, оправдывает средства. И знал, что сомнения мои свидетельствуют, мягко говоря, лишь об идеологической невыдержанности. Но я ничего не мог с собой поделать: я не все средства принимал, не через все барьеры мог сигануть. Шиллер и Дидро, Сервантес и Спиноза, Свифт и Гегель, Платон и Толстой и еще со-

тни таких же идеологических путаников, а может, и прямых агентов гидры говорили во мне много сильнее Косиора. Я, безусловно, чтит украинского генсека (очень уж высока была должность), но во мне вздымалось тяжкое недоумение, недоумение превращалось в неприязнь.

Лет через пять я узнал об аресте и расстреле Косиора. Разумеется, он был осужден по выдуманному обвинению: вероятно, пытался продать Украину немцам — за пятьсот марок или японцам — за тысячу иен. Больше он сам не стоил, больше ему бы не дали. Да и воображения на суммы покрупнее у его кусочников-обвинителей не хватило бы. В общем, была, вероятно, какая-то обычная несусветная дичь. Его осудили невинно. Невинно пострадавших надо жалеть. Я его не жалел. Я презирал его и осужденного. Он сам рыл яму, в которую упал. Его страшный конец был делом его собственных страшных рук. Палач удостоился плахи.

Спустя несколько дней после отъезда Косиора Шмидт застрелился. Он оставил предсмертную записку: план в 1 800 000 пудов нереален, он не хочет обманывать горячо любимую партию и не менее горячо любимого Сталина и предпочитает расстаться с жизнью. На другой день после его самоубийства через совхоз катил еще один из вождей — Каганович (он тоже нагонял страху во время уборочной). Лазарь Моисеевич выразился о Шмидте кратко и гуманно:

— Собаке собачья смерть!

Спустя месяц я уезжал из совхоза. Было сдано уже 2 300 000 пудов, и отправка зерна на элеваторы продолжалась. В центре гигантских массивов урожай оказался не четырнадцать-пятнадцать, а двадцать четыре-двадцать пять центнеров с гектара. И на сторону девать его было некуда. И можно было не торопиться с истерикой. Хлеб поступал непрерывно — независимо от принципиальных речей и беспринципных сомнений. И сказал бы тогда тот же Каганович о Шмидте, что Шмидт герой, а не собака.

Не дождал Шмидт...

Счастье — несчастье

Писатель Йозас Марцинкус обычно справлял два своих дня рождения. Один день истинного своего рождения в холодный месяц ноября, когда он впервые увидел свет в деревне Клибалай Кялимского района в многодетной семье крестьян. Такой праздник, как обычно, нам дарят родители. Но была и другая дата, которую Йозас называл своим днем нового рождения. В этот день он, будучи подростком, взорвал найденную в поле гранату и лишился правой руки, и что самое страшное, — зрения. Для многих это показалось бы непоразимым несчастьем, но Йозас думал по-другому. После этого дня судьба направила его жизнь по другому руслу в отличие от его родных. Не все родственники писателя остались в живых (в послевоенных перестрелках была убита почти вся его семья), а те, которые выжили, работали и до сих пор работают простыми тружениками в сельском хозяйстве. Такая судьба ждала бы и Йозаса, но лишившись зрения, он нашел свое место в интернате слепых и слабовзрячих. Там он окончил среднюю школу, а потом самостоятельно получил высшее образование, стал директором Клайпедского производственно-учебного комбината для слепых. А когда у него появилось свободное время, стал писать книги. Ему было очень важно рассказать о

себе, о трудностях и радостях незрячего человека в мире взрослых. Первая изданная книга — повесть для детей «В то лето» была вроде короткого отчета о годах детства и подростковом времени писателя. Жизнь незрячего среди взрослых, трагические послевоенные воспоминания были главными темами писателя Йозаса Марцинкуса. Он не только писал, но и открывал клубы местных писателей и издательства. Пока другие, зрячие литераторы жаловались на отсутствие возможности публиковать свое творчество, Марцинкус открыл первое частное издательство в Клайпедзе «Эльдия». Здесь он стал выпускать свои книги и книги своих единомышленников. Йозас был человеком, который не знал слова «невозможно». Он выдвигал для себя цели, про которые даже подумать не осмеливались более знаменитые писатели, участвовал в международных семинарах и книжных ярмарках в Варшаве и Франкфурте-на-Майне. Творческих идей и задумок ему хватило бы на несколько жизней. Он и ушел в небытие, не окончив своих работ и не закрыв дверь своего издательства. В издательство «Эльдия» до сих пор приходят на его имя письма.

Леокадия РИМКУС
Перевод Олега ГЛУШКИНА

Йозас МАРЦИНКУС

Тайна Серого кладбища

Там, куда Юлюкас ходил в начальную школу по дороге меж высокоствольных лип и нескольких дубов, находилось небольшое кладбище. Даже старейшие жители деревни Сосногорья не помнили об этом кладбище, кто и когда был там похоронен. Иногда случалось, что кто-нибудь, копая погреб для хранения картошки, находил человеческие кости.

Это место — небольшая роща деревьев — скрывало множество тайн. Люди рассказывали друг другу, а особенно новоприбывшим в деревню, что очень давно — даже совсем давно — на этих столет-

них дубах вешали не только преступников, воров и разбойников, но и просто бедных крепостных.

Неизвестно, почему и зачем люди обходили это Серое кладбище.

— Лучше сделать большой круг, чем идти через это холодное и странное кладбище, — говорили деревенские жители.

По правде говоря, Юлюкасу это кладбище не казалось таким уж странным, как рассказывали деревенские старожилы. Оно было расположено немного на пригорке — и небольшая роща деревьев была видна аж за несколько километров.

Юлюкас уже не раз успел осмотреть эти липы и берёзы; а весной, как только был посвободнее, залезал даже на верхушки дубов – и там, подражая кукушке, куковал и куковал, иногда пугая ту или иную проходящую мимо старушку.

Маленьким детям и своим сверстникам Юлюкас рассказывал всякие придуманные истории:

- Знаете что – вечером на старом кладбище видел, как надгробие одной из могил покачивалось; а оттуда, из-под земли, слышался долгий, жалобный-прежалобный стон!..

В другой раз, желая убедить своих собеседников, разглагольствовал:

- Сегодня видел на дереве двух кукушек. Они так печально куковали, что даже слёзы блестели в их глазах...

- Вот так заврался! – смеялись друзья. – Ведь у кукушек не бывает слёз, да и не плачут они никогда!

- Ай, вы же не видели и не слышали! Они кукуют и плачут, даже всхлипывают!

Юлюкас часто забирался на кладбище. Он не раз уже срывал с могил одну-другую крапиву или поправлял уже заканчивающееся распадаться изображение Божьих страстей на покосившемся кресте; иногда даже приносил гвозди, чтобы прибить к дубу табличку с надписью, которую, к сожалению, он не мог ни прочитать, ни понять, что же на ней написано.

* * *

Когда Юлюкас вступил в юношеский возраст, он стал инвалидом – и стал часто потягивать дым, скручивая много табака, который выращивала мать. Когда старшие стали отговаривать его от такого непомерного курения, он отрезал:

- Если бы с вами случилось такое, как со мной – потеряли б глаза и руку, - вы ещё не так бы курили, а как бык пожирает траву. И конечно, вместо простой травы вы предпочли бы табак!

...Однажды после обеда Юлюс, набив трубку махоркой и простившись с дядей Кризом, отправился домой. На улице дул пронзительный и достаточно сильный осенний ветер. Ни с того ни с сего Юлюсу стало беспокойно. Он пару раз сплюнул сквозь зубы, внезапно чихнул – и на секунду-другую замер у обочины. Будто кто-то дробил его мозги молотком. И он едва слышно вздохнул, бормоча сквозь сжатые зубы:

- Вот дьявол! Неужели я у того соседа дряни напился?!

У него и вправду несколько кружилась голова, а всё тело еле заметно покачивалось. Однако, не обращая на это большого внимания, он быстро зашагал в сторону дома. А чтобы было ещё ближе, свернул на дорожку через кладбище – там через десяток шагов надо было повернуть налево.

Идя, опираясь на палку и внимательно вслуши-

ваясь в завывания ветра и шелест листьев, он подумал: «Кладбище». Да, он подошёл к кладбищу. И словно из-под земли он услышал тот самый стон, о котором неосознанно врал за несколько лет до этого своим сверстникам. Он внезапно остановился и вслушался: да, это было стоном живого человека. «Ааа-йя-йя-йя-й-й-й...» Дрожь не только пронзила тело Юлюса, но и ушла в самые кончики пальцев.

Сжав палку крепче, он почти бегом припустил в сторону дома.

Дома, не дожидаясь ни ужина, ни того, пока все пойдут спать, он упал на кровать, словно человек, весь день пахавший поле или косивший сено. У него ещё дрожало всё тело от этого душераздирающего и нагоняющего страх стога.

Удивлённая мама Юлюса подошла к его кровати, положила руку на лоб сына и спросила:

- Что случилось, Юлюс? Почему ты так изменился?

- Ничего, мама, ничего, - прокашлял он, почти не раскрывая губ.

Мать не отходила от кровати. Ещё раз обхватила его голову обеими руками, похудевшими и посеревшими от работы:

- Что случилось, деточка, что? Есть иди, есть. Ужин уже готов.

- Не хочу – я у дяди Криза поел.

- Да что ты там поел? Воняешь, как хорёк, дыма наглотавшийся. Почему врёшь мне?

Юлюс ничего больше не ответил, только ещё больше завернулся в одеяло и накрыл им голову. У него в голове всё ещё звенел стон той несчастной души или тех несчастных душ. «Хм, интересно: или это стонали души повешенных людей, или тех, кто умер своей смертью?»

Уже перед самым сном Юлюс прошептал: «Завтра надо будет сходить к дяде Кризу и сказать ему, какие чудеса творятся на том Сером кладбище...»

Дядя Криз, выслушав рассказ своего крестника Юлюса о вчерашнем чуде Серого кладбища, только слегка усмехнулся в свои густые усы и, ничего не говоря Юлюсу, надел сапоги, полушубок – и позвал племянника вместе сходить в это «таинственное» место.

К счастью для Криза, ветер не только не успокоился, но и задул ещё сильнее – даже забор трещал. А что говорить о деревьях! Ветер завывал в ветвях, как большие органные трубы в Кражской церкви.

Только лишь Юлюс и Криз подошли к холмам Серого кладбища, как Юлюс снова услышал тот самый стон. Он даже сжался от страха – и ещё больше прижался к крестному.

- Не бойся, не бойся, милый сын! Мы сейчас узнаем, кто тут плачет, кто стонет и людей пугает.

Криз подвёл Юлюса к дубу и остановился. И когда порыв ветра налетел на толстые ветви дуба, вновь слышался тот самый стон – только гораздо громче и яснее.

- Ну, теперь понял, кто тут стонет?

- Да, дядя, - как-то не по-мужски, не по-детски засмеялся Юлюс и, словно невинная девочка, покраснел.

Тогда и Криз широко улыбнулся и предложил Юлюсу присесть.

- Присядем, брат – да ещё послушаем эти «стоны».

Они уселись на мох и прислонились спинами к стволу могучего дуба. На несколько секунд замолчали и вслушались в шелест деревьев.

- Знаешь, Юлюс, хоть мы и не понимаем языка травы и деревьев, но мне кажется, будто они что-то вспоминают и, шелестя о чём-то между собой,

разговаривают. А эти могучие дубы срослись не только своими корнями, но и судьбой с воинственным кличем наших прадедов, с пролитой в страшных войнах кровью, с нищетой, горем и слезами страданий. Поэтому мы, придя в лес – или хотя бы сюда, на это кладбище, - прислонясь к этим деревьям, всегда почувствуем, что их соки – словно живая кровь, текущая в наших жилах. Это – кровь величественного вдохновения и благословения.

Криз вытащил табакерку, набил трубку – и ещё больше прижавшись к дубу, глубоко втянул дым.

Перевел с литовского Clandestinus

Несозвучные голоса поэтов

Весной 2008 года отметили юбилеи два поэта: Броне Линяускене исполнилось 85, Стасису Йонаускасу - 60. Оба родились в марте, когда весна уже звучно, ручьями и каплей заявляет свои права. Но, кажется, этим „созвучие“ и заканчивается. Броне Линяускене родом из Радвилишкиса (Жилионяй), иммигрантка в Жемайтии, глубоко чувствующая свою „инородность“, „непринадлежность“ этому краю; Стасис Йонаускас из своей родной деревни Гесалай (недалеко от Скуодаса) никогда надолго не отлучался. Народ в тех местах немногословный, и, может быть, по этой причине сдержанность, даже скупость на слова просто впитались в кровь поэта.

Если перечислять книги Броне Линяускене, то их немного: „Вдоль цветущего поля“, 1973, „Тихие разговоры“, 1983, „Окликну дерево“, 1987, „Под крышей июня“, 1989, „На берегу вечера“, 2003,

„Ласточки выше неба“, 2008. Это верный признак того, что каждое слово поэтессы взвешено, что это не поэтическая скоропись, а творчество. Всё глубоко пережито и поэтому ценно.

А вот как бы сами за себя говорящие названия некоторых книг Стасиса Йонаускаса: „Большое поле“, 1973, „Сердце отбивает косу“, 1986, „Имена работ“, „Современная рожь“, 1990, „Голос травы“, 2004. За сборник „Голос травы“ поэт получил всевозможные литературные премии, но это не изменило его достойного, выдержанного поведения ни в литературе, ни в жизни.

Разные биографии, разные мировоззрения, но по-весеннему одинаково прозрачные, глубокие стихи. Они свойственны обоим поэтам, особенно в последних книгах. Их общий код - настоящее, не наигранное, пережитое, прочувствованное слово.

Елена КАРНАУСКАЙТЕ

Броне ЛИНЯУСКЕНЕ

* * *

То не ночь, а ворон чёрный
Волочил крыло о землю
Королём, слугой речённый –
Что судьба ещё содеет

Или звёзды?
Моя вот милость, -
Над зенитом что сияла, -
Словно птица закружилась,
Содрогнулась и... упала.

* * *

У птиц есть гнёзда
На засиженном небесном облаке,
У ковыля – своё место у дороги,
У запаха жасмина – весь июнь.
Лишь у нас с тобой так мало –
Длиннейшие ночи
И старые зеркала –
В них отражается осень.

* * *

Ночь играет в молчанку до боли,
Своего и не чувствуешь пульса.
Хотелось бы в этом покое
Заснуть – и не проснуться.

Хотелось бы тихо-тихо
Быть тише тиши самой...
Но птица в окно ударялась —
И не знаешь, взлетела ль вновь.

* * *

Молнии четвертовали мглу,
Кажется, что бьют в самое сердце,
Порванные в клочья облака
Крутятся и мечутся.

Для чего ж стихия разошлась —
Призывает к бунту иль к ответу,
Когда тени, по земле стелясь,
Посерей полыни цветом.

Ветры рады выть, всё разметать,
Дерево трясут, как кольца змеек —
Буря стихнет. Молнии, крестивши небо,
Сгинут в оке чёрного кота.

Стасис ЙОНАУСКАС

Закат в долине

Как закат земля молча кончалась
И вокруг всякий шум замирал.
А в долине пораньше смеркалось —
То ольхи ритуал.

Там когда-то срезали берёсту,
Что вдохнула так много имён.
Верил каждый: как это просто! —
Будет век повторён.

И как маятник травы качались,
Возвращаясь на прежни места.
Долгой жизнь эта не показалась —
Но длиннее, чем та.

На севере молчало небо

Волну за волною время качало.
Было ясно — живёшь ты теперь.
И на севере небо молчало,
Растворившись в пресной воде.

Вещи разные в мир приходили,
Предложений союзы и слов
Словно пламя повсюду светили —
Но деревьям не то корни жгло.

Они тлели, ужасно дымили,
Став углём, влаг наречий полны.
Ну а вверх — языки возносились,
Что понять в состоянье лишь мы.

Прошлое словно костёр

Солнце село. Обуглился день —
Каждый миг ежедневно он тает.
Борозды в пашне крошится тень,
Время мчится — и быть забывает.

Нас наполнит оно — и тогда
Без возврата в историю ляжет.
Вещи сгинут в себе навсегда,
И река — русло в петлю завяжет.

Вот и съёжился день. Даже — эй! —
Ночь не знает, рассвет ли был ясный.
Прошлое и вещей, и людей
Как любой костёр — тихо погаснет...

Перевел с литовского Clandestinus

Геннадий НОРД

Геннадий Норд калининградец, но давно живет в Канаде. Поэт, композитор, артист, активно выступающий не только на концертных сценах Канады и США, но многих городов России от

Москвы до Владивостока в жанре городского шансона. Председатель Союза русскоязычных писателей Северной Америки, член правления МФРП.

Деревья умирают стоя

Деревья умирают стоя,
И в дымке тусклой октября
В их сером, неудобном строе
Теряет молодость заря.

И утопают, словно в вате,
В размытом абрисе стволов
Веселых почек буйный кратер
И лёгкий шелест нежных слов.

И накупь крон смахнув шумовкой,
Вдохнёт и выдохнет листву
Беззубый ветер и неловко
Разметит инеем траву.

Заснувшие тропинок ленты
Не беспокоит шаг ничей,
И, позабыв про комплименты,
Озябший хмурится ручей.

И лучик, не живой, не меткий,
Зевая, хлопается в грязь.
Качаются бесстыже ветки,
К земле пониже наклонясь.

И как-то сразу и неслышно
Исчезли с улицы грачи.
Уселся ворон возле крыши
И от отчаянья кричит.

И черно-белою стеною
Идут в атаку холода.
Деревья умирают стоя.
Кто до весны, кто – навсегда.

Кенигсбергский особнячок

Накрытый покосившейся антенной,
Обшарпанный судьбой особнячок
Подставил ветру пожилые стены
И дворика неубранный клочок.

С морковным боем черепичной кровли
И бородавками травы из плит,
С боярышником цвета спелой крови,
Который одиночеством болит.

А город жил вокруг весёлой жизнью,
Кого-то провожал или встречал,
Кого-то мазал зачернённой кистью,
Кого-то восхвалял в своих речах.

Но злая кенигсбергская погода,
Забрасывая сеткою морщин,
Крутила старый домик год от года
Без веских и внушительных причин.

Особнячок терял цвета и силы,
И, подавив жилищный дефицит,
Пытаясь растопить очаг застылый,
В него вселялись странные жильцы.

Со стен кричали шаржи и поэмы,
И спички прилеплялись к потолку,
А самые излюбленные темы
Не лезли даже в слабую строку.

И город проморгал свои столетья
И так себя довёл и запустил,
Что вождь устал стоять на постаменте
Из памятников рыцарских могил.

И всё пришло к разрухе и упадку –
Проспекты не пройти и не прочесть...
А из уставших крон смеётся сладко
Семи веков изысканная месть.

Наталья АНДРЕЙЧУК, Лариса ГАВРИЛИНА

Образ мира

в пространстве калининградской художественной культуры

Проблема идентичности сегодня активно обсуждается как в серьезных научных, философских исследованиях, так и в публицистике.

В пространстве современного социогуманитарного знания складывается методология исследования ментальности и идентичности через концепты «картины мира», «образа мира», «модели мира», «культурной парадигмы» и т.д. Картина мира – это, прежде всего, мировоззренческое образование, т.е. системное представление человека о конкретной действительности – о мире и месте человека в нём, о взаимоотношениях человека с природой, обществом, другими людьми, самим собой. Содержание этих представлений «задаётся» системой ценностей и репрезентируется через систему культурных универсалий. В любой крупной культурной общности общенациональная картина мира обеспечивает существование культурного ядра – устойчивой базовой целостности, которая создает условия для взаимопонимания и успешного взаимодействия различных субкультур в рамках доминирующей культуры. В основе такого взаимопонимания лежит язык данной культуры и базовые ценности. Картина мира – в значительной мере результат социального наследования, это преимущественно «ставшее» в духовной организации субъекта (ценности, культурные константы).

Образ мира – во многом процесс «становящегося», духовной самоорганизации личности, стимулом которой является изменение ценностных ориентаций. Образ мира более субъектен, нежели картина мира, а его содержанием является индивидуальный, личностный по способу получения и существования результат процесса мировосприятия и мироощущения. Образ мира «задается» не только системой ценностей, но и ценностными ориентациями, присущими данному субъекту культуры. Образ мира – система наглядных представлений о мире (пространстве, времени) и месте человека в нем, сведений о взаимоотношениях человека с действительностью (с природой, обществом, другим человеком, Богом) и с самим собой. Образы и сведения, входящие в эту систему, могут быть зрительными, слуховыми, осязательными, обонятельными. Они могут быть рационально и эмоционально окрашенными. Образ мира, существующий в сознании и шире – в психике – отдельного

человека является для него картой и компасом, позволяющими ориентироваться, выделять главное, формировать свои отношения с миром. Этот образ мира сознательно и бессознательно поддерживается нашей деятельностью, воплощается в речевых практиках, в художественном творчестве, в образах искусства и т.д.

Многолетние наблюдения и исследования позволяют нам утверждать, что в условиях калининградской региональной субкультуры картина мира, по преимуществу, общероссийская со всеми присущими ей особенностями. При этом можно говорить об особом, отличном от общероссийского, образе мира значительной части калининградцев, прежде всего молодых, чье формирование происходило в условиях калининградской региональной субкультуры (наличие которой стало очевидным к середине 90-х гг. прошлого века).

Молодые люди, выросшие в Калининграде, не чувствуют себя жителями огромной по территории страны, их образ мира основан на иных представлениях о социальном пространстве и времени, нежели у их сверстников из других российских регионов. Это хорошо фиксируется в вербальном дискурсе. Так, к примеру, абсолютно распространенным в обыденной лексике стало выражение «был(-а) в России», без указания конкретного населенного пункта или региона - Поволжье, Урал, Сибирь и т.п. При этом выражение «был(-а) в Европе» встречается неизмеримо реже: как правило, указывается страна или город. От молодого калининградца (калининградки) чрезвычайно редко можно услышать выражение «у нас в России». Т.е. на бессознательном уровне Калининград как бы выводится из культурных шифров «российскости», что свидетельствует об определенных изменениях ментальной идентичности. Некоторое отчуждение от России фиксируется и семантически: часто используются выражения типа - «большая земля», «культурный материк», «историческая Родина» и т.п.

Наличие специфического калининградского образа мира очевидно иллюстрируется художественными текстами. Вообще роль искусства в репрезентации и формировании образа мира в той или иной культуре трудно переоценить. Как известно, Гегель определял искусство как умение мыслить в

образах. Искусство доводит до сознания истину в виде чувственного образа, и притом такого чувственного образа, который в самом своем явлении имеет высший, более глубокий смысл и значение. Произведение искусства целостно воссоздает мир, становясь «энциклопедией жизни», зеркалом культуры, выражением «самосознания культуры» и т.д. Автор (поэт, художник), являясь носителем той или иной культуры и, соответственно, господствующего в ней образа мира, запечатлевает его в процессе художественного творчества. При этом художник видоизменяет, пересоздает прежний образ мира в соответствии со своей собственной мировоззренческой позицией, веяниями времени, глубинными трансформациями, происходящими в культуре. Становясь достоянием публики, образ мира, воплощенный в художественном произведении, оказывает влияние на образы мира реципиента (читателя, слушателя, зрителя). Так, поэтические образы Н. Некрасова, А. Блока, С. Есенина стали неотъемлемой частью образа мира русской культуры. Так же, как и художественные образы, созданные в пейзажной живописи И. Левитаном, И. Шишкиным, А. Саврасовым. В период активного развития русского национального самосознания в последней трети XIX – начале XX века в их творчестве происходит символизация ландшафта центральной России. Некоторые их произведения стали своего рода национальными «иконами», в которых фиксируется национальный образ мира, происходит своего рода репрезентация «русскости» через образы среднерусской природы. Точно так же, как произведения Д. Констебля, У. Тернера способствовали формированию национального образа мира и утверждению (конструированию) национальной идентичности в Великобритании на рубеже XVIII – XIX веков.

Представляется важным еще раз указать на сложный и взаимообратный характер рассматриваемого процесса. С одной стороны, искусство репрезентирует уже имеющиеся у представителей той или иной культуры образы мира; с другой стороны, выражая их в эстетически значимой, яркой художественной форме, искусство способствует их более широкому распространению и фиксации в качестве символических образований, становящихся маркерами групповой идентичности. Таким образом, анализ художественных текстов может дать богатый материал для реконструкции образов мира, выявления ценностных ориентаций и, соответственно, исследования идентичности.

Попробуем показать это на материале художественной культуры Калининграда. Произведения искусства калининградских авторов дают возможность для реконструкции специфического калининградского образа мира. Мы основываем свои наблюдения, прежде всего, на материалах литературных текстов и художественных выставок последних лет, в том числе подготовленных в связи с

празднованием 750-летия города в 2005 году и 60-летия Калининградской области в 2006 году. Эти юбилеи стали важными событиями, заставившими многих калининградцев – обычных горожан, политиков, художников – задуматься над вопросами об образе и судьбе Калининграда, о связи истории и современности. Не претендуя на полноту охвата материала и, соответственно, на окончательный характер делаемых выводов, рискнем предположить, что калининградский образ мира за более чем 60-летнюю послевоенную историю претерпел определенную трансформацию. Вне сферы нашего внимания остались пока художественные тексты 50-х годов; они немногочисленны, и для их выявления необходимо предпринять специальные усилия.

Материал искусства 60-80-х годов позволяет говорить о типично советском образе Калининграда. Он складывался под мощным давлением советской идеологии, и неудивительно, что на полотнах калининградских художников этого времени практически нет столь привычных для сегодняшнего зрителя примет довоенного прошлого: замка, собора, кирх, кирпичных готических сооружений и островерхих шпилей. Точкой отсчета стала Великая Отечественная война, как причина самого существования области. Память о военных событиях, жертвах, разрушениях была фоном, на котором разворачивалась поэтика трудовых советских будней: строительные краны, остовы возводимых домов, строящихся кораблей. На портретах – суровые лица героев «трудового фронта»: моряков, рыбаков, строителей. Военная тематика оттеняла и делала более значимыми усилия людей в мирной жизни:

*Гудят корабли. В твоих портах
перекликаются океаны...*

*И дома утопают в садах
на земле, залечившей раны.*

Ты весь в новостройках: туго с жильем.

Вручаешь ключи не каждой невесте.

*Но навечно в сердце твоём
прописаны тысяча двести.*

[Альбина Самусевич].

Такой калининградский образ мира видится и в графических композициях А. Шевченко, живописных полотнах М. Пяковского, Н. Карякина, И. Гершбурга, в прозе калининградских писателей: К. Бадигина, Ю. Иванова, Б. Нисневича.

Ситуация значительно меняется в конце 80-х годов, когда стало возможным открытое выражение внимания и интереса к памятникам довоенного прошлого. По-видимому, это прошлое и раньше волновало и привлекало калининградцев, многие из которых оказались коллекционерами открыток, фотографий с видами довоенного Кенигсберга, предметов быта, найденных при проведении различного рода земляных работ. В произведениях искусства мощно зазвучала тема разрушенного

Кенигсберга, стал складываться образ «города-призрака», который продолжает жить в руинах Собора и кирх, остатках крепостных сооружений, в воспоминаниях о Замке, в мифах о подземном городе:

*но жив еще готический мотив
кирпичных зданий шпилей и мостов
и город-призрак проявляется как будто
давно был сделан снимок, но готов
лишь нынче оказался и когда
на город мой прольется тишина
вдруг время поворачивает вспять –
выходит память – как река – из берегов
и гофмановский кот неслышно
входит...*

[Андрей Тозик].

Улицы старого Кенигсберга, руины, шпили, Замок, Собор, Кант, Гофман – символы иной культуры, волею судеб оказавшейся тесно связанной с настоящим, во множестве появились на полотнах калининградских художников: Б. Булгакова, В. Рябининой, Н. Смирнягиной и многих других. В пространстве художественной культуры Калининграда стал активно формироваться образ Города, особенного, неповторимого, с уникальной судьбой; утвердился символический ряд, некий набор маркеров, абсолютно узнаваемых и эмоционально переживаемых. Об этом пишет калининградский поэт Сэм Симкин:

*Меты, меты города, которые
с нами,
как надежда и любовь,
навсегда,
как входит кровь в историю,
как история вошла нам в кровь.*

В первой половине 90-х годов после распада Советского Союза, отделения прибалтийских государств неизбежно возникает острая реакция на сложившуюся ситуацию удаленности и оторванности области от «материковой» России. Складывается образ «острова», волнующий и тревожащий своей отдаленностью от материка и непредсказуемостью судьбы. На этом фоне волна интереса к довоенному Кенигсбергу вызвала достаточно мощное движение в противоположном направлении: поиски следов русского, российского присутствия на территории бывшей Восточной Пруссии. Вероятно, такого рода факты создавали, пусть иллюзорное, впечатление некоей большей укорененности русской культуры на этой земле. Появилась целая серия книг о пребывании здесь Петра I, о русских в Кенигсберге, установлены памятники Петру I, Елизавете, М. Кутузову, открыты мемориальные доски И. Бродскому, В. Высоцкому, в области появился даже школьный музей Н. Гумилева (пос. Победино Краснознаменского района). Поэт весьма кратко временно побывал в этом «углке» Восточной Пруссии во время первой мировой войны, что стало поводом для создания музея и, соответственно, приобщения поэта к калининградскому образу

мира. Стали актуальными любые самые тонкие ниточки, связывающие область с «материком». Эти процессы не всегда инициированы властями, во многом они шли на уровне самоорганизации. Используя термины синергетики, можно сказать, что в ситуации неопределенности система вырабатывала элементы для будущей «нестабильной стабильности».

Есть ощущение, что в художественных текстах последних лет репрезентируется образ мира чуть более устойчивый, чем прежде, в котором прошлое и настоящее не столько противостоят друг другу, сколько взаимодействуют. Можно говорить если не о синтезе, то, как минимум, о симбиозе старого и нового, о сложном переплетении культурных реалий. Стоит подчеркнуть, что речь идет не о соединении немецкой и русской культур, а о включении в образ мира русской культуры элементов довоенного культурного наследия (ландшафт, памятники архитектуры, исторические события, отдельные персонажи). О значимости этих элементов в образе мира многих калининградцев свидетельствуют результаты конкурса «Семь шедевров янтарного края», проведенного газетой «Комсомольская правда» в 2007 году. В голосовании приняли участие более 4200 калининградцев, которые отдали приоритет семи довоенным памятникам архитектуры (Кафедральный собор, Королевские ворота, башня Дона, Театр кукол, здание филармонии, мост королевы Луизы в Советске и Дворец культуры моряков). Из построек послевоенного времени на 9 месте оказался храм Христа Спасителя в Калининграде, ему не хватило около ста голосов, чтобы попасть в число победителей. Архитектурные памятники, ныне существующие и давно разрушенные, образы реальных личностей, прославивших когда-то Кенигсберг – Канта, Гофмана, королевы Луизы, – и образы вымышленных литературных героев, кенигсбергские марципаны и клопы и т.д., и т.п. – становятся неотъемлемыми элементами калининградского образа мира. Для мозаичного образа Кенигсберга, сложившегося у многих молодых калининградцев, характерно именно такое смешение надбытового и обыденного, литературно-художественного, исторического и повседневного.

Показательно в данном отношении творчество калининградского художника Олега Пьянова. В 2005 году у него состоялась персональная выставка в областной художественной галерее под названием «Мой город». Образ города у художника (Калининграда, Правдинска, Гвардейска?) является «крутой смесью» восточнопрусского – с костромским ли, нижегородским, рязанским (?) – с российским. Хорошо узнаваемые восточнопрусские дома с черепичными красными крышами совсем не напоминают «заграницу» – чуть покосившиеся, будто пританцовывающие, – они существуют в условиях уже иного образа жизни, иной культуры, впитав ее дух и настрой. Рядом с домом – узнавае-

мый образ русского мужика, чуть лубочный, но не карикатурный. Своеобразный солнечный колорит этих картин Пьянова рождает ассоциации с другим символом этой земли – янтарем, придавая образу мира, представленному в его картинах, некую абсолютную завершенность.

Становление этого нового калининградского образа мира прекрасно демонстрирует поэзия калининградских авторов, особенно молодых:

*здесь сосны шепчутся почти на эсперанто –
так много слышали они чужих наречий –
такой здесь город – и не раз тебе приснится –
полуроссия, полузаграница...*

[Андрей Тозик].

*Дождь традиций европейских,
весь в занозах от распятый,
Хлещет на родную паперть,
дым отечества губя...*

[Игорь Белов]

Подчеркнутая «двунепринадлежность» (не «там» и не «здесь») и одновременно «двуукорененность» (и «там», и «здесь», и «то», и «это») стали отличительной особенностью калининградского образа мира: «город стереоскопический: одним глазом – в прошлое, другим – в настоящее» [А. Попадин], «ты двуязычен, город мой – давай поговорим на русском» [Т.Ленская]. Это соединение/разделение приобретает подчас причудливые формы, например «Кенигсбергской Руси»:

Калинин, Кениг, Кант – абсурд.

Россия, русский, разум – еще один.

Три «К», три «Р» - три цвета- белый, синий, красный.

*Тильзитский мир, Союз Священный,
Суворов и Наполеон, суровый плод – зубами не
укусишь.*

[Д. Иванов].

Подытожим сказанное. Во-первых, отметим, что художественные тексты калининградских авторов позволяют констатировать существование особого образа мира, присущего жителям калининградского региона, и уловить происходящие в нем трансформации: его текучесть, подвижность, связанные с изменением ценностных ориентаций в обществе. Это вполне подтверждает наши прежние выводы о наличии особой калининградской идентичности, складывающейся в рамках калининградской региональной субкультуры, яркой отличительной особенностью которой является ее «пограничность». Во-вторых, подчеркнем значение работы с художественными текстами. Приоритетное значение художественного материала в контексте данных исследований связано со специфической особенностью искусства – способностью целостно воспроизводить мир. Искусство в яркой чувственно воспринимаемой форме фиксирует образы мира, делая их доступными для восприятия зрителя и обеспечивая мощное воздействие на широкую аудиторию. Последовательная серьезная работа с художественным материалом может позволить реконструировать и проанализировать специфический образ мира, сложившийся в условиях калининградской региональной субкультуры, и тем самым способствовать исследованию калининградской идентичности.

Город как азарт

(отрывок из четвертой вигилии книги «Город королей без королей»)

Сегодняшний Город Королей – почти что Вильнюс, а выглядит на порядок больше Вильнюса. Отличие почувствуешь, как только отъедешь от Южного вокзала по направлению к центру, к Северному вокзалу. Здесь два железнодорожных вокзала, один – почти подземный, в самом центре города. Это странное обстоятельство сразу даёт возможность понять, что находишься в очень большом Городе, который хотя когда-то и был разрушен, но поднялся из пепла, как птица Феникс. Королевский размах всё ещё остался.

Город – щедрый хозяин – засасывающий тебя в проспекты и уличные внутренности. За каждым домом, поворотом или углом переулка он тебе шепчет, что не зря ты здесь появился, в самое подходящее время – есть пища для твоей любознательной души. Видишь, что автомобили более подвижны, чем в других городах на Балтийском побережье, побольше художественных выражений на перекрёстках, когда один автомобиль другому на нос залезает, а тот не злится. Все водят машины с азартом, мало придерживаясь международных правил движения, а общественный транспорт разноцветный, как оперенье экзотической птицы: трамваи, троллейбусы, автобусы, маршрутки. Они совершенно не похожи на транспортные средства других русских городов – даже трамвайные рельсы здесь иначе уложены, по-другому и с другой шириной колеи.

Около полуночи вдруг соображаешь, что трамваи, забравшие вместе с собой с городских улиц пыль и металлический перезвон, оставляют посреди дорог отнюдь не рельсы, а обнажённые нервы мостовых Города. Строго и беспощадно они сверкают сталью в свете рекламных огней, подчёркивая, что ты очутился в азартном дышащей Балтийской жемчужине.

Пространства города перемещаются так, что, кажется, могут разрезать зазевавшегося горожанина на части. Дуют сквозняки из-под земли, из дворов, от свободной, широкой воды. Здесь чувствуешь Балтику, дышащую туманами, парки, шумящие на ветру. Городские жители двигаются словно чайки – подпрыгивая. Здесь полно духа авантюризма, которым быстро заражаются приезжие – их тут же называют своими людьми. Поэтому многие из них здесь и остаются.

Авантюризм калининградца почувствуешь, когда в тумане стоишь у раскопа западного крыла Королевского замка. Каждый твой шаг может быть последним. Город тебя приглашает, ведёт, заманивает. В какую сторону? От гибели к гибели? Город, сердце которого было вырвано из земли с корнями, не может так погибнуть. Он дышит, так как остался жив благодаря дерзкому авантюризму.

Одно из самых ярких проявлений авантюризма – это новая колонизация Калининградской области, начавшаяся после 1945 года. Недавно вышла книга (сначала в Германии), путь которой к печатному станку был очень длинным. В книге мы видим очень странные характеристики. Читаешь и не веришь своим глазам, а ведь реальные свидетельства переселенцев. Как они рисковали, как, не зная, куда едут, оказались в Восточной Пруссии.

В 2003 году издательством Калининградского университета, наконец, была выпущена эта книга – «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», в которой собраны предельно откровенные рассказы. Они записаны позже, уже во времена перестройки, поэтому ценность их очень велика. Разнообразие свидетельствующих свидетельствует о... Что же свидетельствует?

Многие переселенцы не имели ни малейшего понятия о стране, в которой им суждено было жить. Они, разумеется, понимали, что после жестоких боёв Кёнигсберг не мог остаться нетронутым, однако действительность превзошла самые мрачные воображения.

В книге представлено свидетельство Шевченко Манефы Степановны. На самолёте они прилетела сюда к своему жениху.

Через несколько дней женщина отошла от первого чудовищного шока, и у неё появились уже совсем другие чувства.

За риск иногда и таким образом было заплачено – контрастом ужаса и счастья. Открытия – эхо движения душ смелых людей. А может, весь этот риск – варварство, только и всего? Не важно, как назовёшь, главное смелость первопроходцев.

3 августа 1945 года на железнодорожную станцию Шталупенен (Нестеров) прибыл эшелон № 382, а в нём – 120 семей переселенцев. Всего 598 человек, все из Кировской и Ульяновской об-

ластей. Все 8 дней дороги переселенцы получали и воду, и горячую пищу.

4 декабря 1947 года были отменены карточки на продукты питания. Это произошло перед Днём Конституции. Жизнь понемногу начала нормализовываться. Странновато. На развалинах пришлось жить ещё несколько десятилетий.

А ведь совсем недавно здесь, в Восточной Пруссии, родилась Ханна Арендт увидела свет Агнес Мигель. Первая – исследовала фашизм, другая – поэтесса и член фашистской партии, пела погребальному Городу свой трагический гимн.

Михаил Ромм в известном фильме “Обыкновенный фашизм” показывает хронику множества дней военной поры. Картины сняты с воздуха, из-под крыльев самолётов. Смотришь и не слышишь голоса диктора, а услышишь – пробирает дрожь ужаса. Ромм сам читает собственный текст. Эти картины величественны, по-своему даже красивы – виды разрушенных немецких городов.

Ужасно так говорить. Это – кровавый адреналин. А он необходим, чтобы взяться отстраивать города? Такие речи доносятся из злой пропасти, которая постоянно нас затягивает, а ведь от этого зла нужно высвободиться.

Нигде нет лучшей возможности освободиться от преследующего нас зла, чем здесь, в Восточной Пруссии, в развалинах не только из-за войны, но и действий человека, не понимающего ценности наследия, доставшегося ему. Поэтому азарт здесь особенный и он необходим как воздух. Азарт – брат страсти, жизнь на гребне штормовой волны океана цивилизации.

После окончания войны Сталин не трогал Город, не разрешил его отстраивать. Косясь на дырявую башню Королевского замка, новые колонисты обходили его стороной. Никто даже думать не смел, что за судьба ждёт Королевский замок. Полуразрушенная, выщербленная главная замковая башня стояла как привидение, хотя могла бы быть и восстановлена. Так два десятилетия торчала она как Божий перст, кирпичи потрескались и разрушились, сыпались и падали. До смерти вождя, а потом и до конца эпохи Хрущева, израненная башня свидетельствовала только о победе Востока над Западом, и ни о чем больше. Ещё она представляла всё возрастающую опасность для мальчуга-

нов, весело и рискованно живших среди развалин. Страшно, сколько их погибло в этих и подобных прусских развалинах. Природная сила подавляла культуру, напоминала о бывшей цивилизации, но не годилась для настоящего времени. Людей заставляли становиться стихийными существами. Всюду зияли знаки не жизни, а исчезновения. Чтобы всё это победить, нужен был азарт, риск. Чтобы при молчании Иммануила Канта, лежащего у развалин Кафедрального собора, продолжить здесь жить без законов морали и без звёздного неба. Правда, на надгробии, под колоннами, чья-то рука вывела: “Наконец ты понял, что мир материален!” Где уж тут не понять...

Кирпичи и камни грузили в вагоны и составами, а то и баржами, отправляли в Москву, Ленинград, Сталинград, Минск, Ригу, Вильнюс – там, а не в самом Кёнигсберге, залатывали раны городов. Сюда даже не привозили немцев-пленных, они-то строить умели, но их использовали в других местах, а здесь пришлось возиться самим.

Неосязаемый Город пришёл к новым пришельцам как оглушённое, только в ров не выброшенное домашнее животное. Приехавшие люди не понимали, как они здесь будут жить. Была страсть новых территорий, завоеваний, новой работы... и дух авантюризма, свойственный коммунистам, но как организовать здесь жизнь, они не знали. Чиновники, управляющие империей, обязаны отличаться энтузиазмом, чувствовать более серьёзную ответственность за судьбу государства, чем рядовые жители. Поэтому они всегда перестраховываются. Боятся больше, чем надобно. В одном из писем в 1948 году переселенец пишет: “Все боятся войны...” Недостаток информации побуждал рядовых жителей верить в слухи. Деревенская женщина рассказывает, как пришедшая из районного центра соседка смертельно напугала всю деревню: “Война началась!”

Теперь здесь уже живут не “временщики”. Земля – в руках местных жителей, и они, не стесняясь, немцам отвечают так резко, что уши вянут. Особенно, когда бывшие местные позволяют себе укорять новых хозяев: “Плохо присматриваете за нашими землями!” А им отрубают: “Это наша земля, и ничья больше! Не нравится – идите прочь!” Всё ясно.

Перевод с литовского Руты ЛЕОНОВОЙ

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

Мне давно хотелось познакомиться с творчеством Германа Зудермана. Но немецкого языка, к сожалению, я не знал, а на русский никто из соотечественников стихи и прозу этого автора не переводил. И вот удача! У меня в руках книга Зудермана “Литовские истории” в переводе поэта Сэма Симкина. И что? И как? Да замечательно! К тому же и места, описываемые в книге, мне знакомы. Я там

родился и жил. И многие мои друзья-литовцы.

Но если первые пять страниц не задели мою толстокожесть, я бросаю чтение. А тут вроде бы спокойное, слегка убаюкивающее начало - как перед грозой. И я жду эту грозу, знакомясь как бы попутно с жизнью простых литовцев, их нравами, бытом, обычаями, их удивительным стремлением одолеть трудности, “встать на ноги”. Повествование тянется медленно, даже меланхолично, и уже кажется, что грозы не будет. И вдруг... Тонет тот, кто желал смерти своей жене и кто так самоотверженно её спасал (повесть “Путешествие в Тильзит”). Здесь же, в повести, есть маленькое стихотворение (песня) с большим смыслом:

Тильзит, как ты прекрасен, город мой!
Я люблю тебя больше, чем все города!
Солнце было бы просто тёмной дырой,
если б ты его не освещал иногда.

Образ-то, образ каков, а? Город настолько прекрасен, что не солнце его освещает, как обычно, а наоборот.

Очень сильны и другие повести, особенно “Ионас и Эрдме”. Я читал вслух некоторые сцены жене, и она, волнуясь, несколько раз произнесла: “Какое мощное натуралистическое описание! Я словно чувствую чавкающую болотную жижу под ногами”.

В этой грязи работали люди, они строили свои жилища, любили, растили детей. Они утверждали своё право на достойное человеческое существование. И такой психологический надрыв в концовке повести! Вставшие “на крыло” дети забирают себе всё нажитое родительскими трудами добро после их внезапного разлада. Печальный итог жизни вроде бы предreshён. Но Зудерман ставит иную логическую точку. Ионас и Эдме снова вместе. Их любовь не умерла.

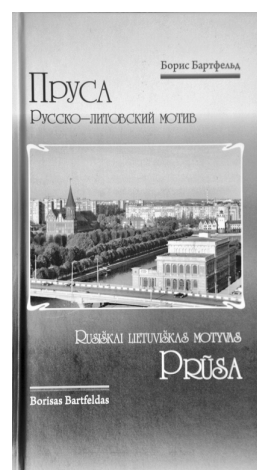
Прозу Зудермана дополняют стихи. Стихотворений немного, всего девять. Но они органично вплетаются в общее построение, помогают понять многогранность таланта Зудермана. Его поэтика о вечном: о милой Родине, о природе, о любви, о жизни и смерти.

Последняя часть книги - “Анекдоты про Зудермана”. Это занимательные короткие истории из жизни писателя. Они, действительно, анекдотичны, с заметной долей иронии и юмора, и во многом помогают понять свойства Зудермана как человека и творца. Остановлюсь на анекдоте “Контрудар Зудермана”. Речь идёт о двух друзьях-драматургах, Германе Зудермане и Максе Хальбе. Оба они ходили друг к другу на просмотр спектаклей, поставленных театром по их пьесам. Примечательна концовка анекдота, подчёркивающая находчивость Зудермана и его своеобразный юмор: “Занимательнейшую пьесу ты написал, - прошептал Хальбе Зудерману, - первый зритель уже уснул”. “Ошибаешься, - парировал Зудерман, - он здесь спит ещё со дня твоей премьеры”.

Человек может радоваться по-разному. Один радуется, что у него полный карман денег, другой - что судьба одарила его куском хлеба, а я радуюсь, и ничуть этого не скрываю, открытию (пусть и позднему) нового для себя автора Германа Зудермана. И искренняя благодарность за это поэту и переводчику Сэму Симкину.

Анатолий МАРТЫНОВ, г. Зеленоградск

«ПРУСА»

Эта книга Бориса Барфельда больше, чем книга стихов, потому что она снабжена обширными и познавательными комментариями, которые сами по себе являются как бы книгой в книге, читать которую не менее интересно, чем сами стихи. В этих комментариях и история, и география Литвы, соединенные с биографией автора, родившегося в поселке Новостроево, бывшем Треммене (Восточная Пруссия). Это обстоятельство отнюдь не принижает ценности стихотворных текстов книги «Пруса», своеобразного объяснения в любви к Литве и к «Калининграду фон Кенигсбергу». Это и не рифмованный русский стих, и не верлибр, а скорее ритмизированный лирический эпос, насыщенный

интересными «людьми и положениями», как выразился однажды Борис Пастернак. Имена великих людей свободно сосуществуют на страницах книги с нашими современниками. Автор, обладая большой поэтической культурой, сумел соединить интеллектуальную поэзию и высшую математику, лирику и краеведение, просторечия и высокий «штиль». Честь ему и хвала.

Следует отметить высокое качество перевода на литовский язык, выполненного Римантасом Черняускасом, а также высокое мастерство полиграфистов клайпедского издательства «Эгла».

Сэм СИМКИН

НОВЫЕ СТУПЕНИ В ИЗДАНИИ КНИГ

Вот уже третий год подряд осуществляется выпуск книг по «Издательской программе правительства Калининградской области». За этот период издано более двадцати книг. На их издание выделено более пяти миллионов рублей.

Такого прорыва в издательском деле еще не было в послевоенной истории нашего края. Явление это приобретает особое значение, так как позволяет противопоставить книжному рынку, наполненному бульварной литературой, оригинальные произведения, показывающие духовную и культурную жизнь региона, а также его историю.

В особые разделы издательской программы были выделены книги, составляющие «Библиотеку правительства» - здесь начаты две значительные серии: это книги карманного формата «ЛИК» - личность, история, край, - в которых в доступной и популярной форме дается изложение жизни замечательных людей, связанных с нашим краем. В прошлом году вышли книги Олега Глушкина о выдающемся русском просветителе Болотове, Инны Головки о сподвижнице Екатерины Великой Дашковой и Константина Могилевского и Кирилла Соловьева о великом реформаторе Столыпине. Серия эта обещает быть очень насыщенной, ведь список великих личностей российских, оставивших свой след в наших краях, очень велик. В этой серии можно будет издать и книги о деятелях немецкой культуры, и литовской, и польской, о всех великих кенигсбержцах, внесших значительный вклад в общемировую культуру и науку. Этот ряд дополняют книги о наших современниках — героях послевоенного времени.

Другим направлением в издательском плане правительства является выпуск исторических романов. Впервые издается «Книга Бытия» - объемный роман самого известного калининградского писателя, своего рода энциклопедиста Сергея Снегова. Это роман-исповедь человека, прошедшего все горнила своего времени, революционные расправы, голод двадцатых, разорение деревни, сталинские лагеря Норильска. Другим значительным событием стало издание романа Юрия Куранова «Дело генерала Раевского». Известный автор лирических миниатюр, знаток и хранитель языка здесь выступает в совсем ином качестве, на исторических примерах он разворачивает философский диспут о судьбах России.

Грантовую поддержку в номинации художественной литературы получили: сборник стихов «Интонация» известного нашего поэта Сэма Симкина, книга-исследование Владимира Гильманова «Симон Дах и тайна барокко», повести Александра Гахова «Оберег». В номинации социально-значимой художественной литературы в число избранных попали рукописи книг Раисы Минаковой «Пейзаж цвета времени», Дмитрия Григорьева «Клён» и сказки Тамары Тихоновой «Крылья с разноцветными перьями».

В этом году программа получила значительную финансовую поддержку. Для книг, которые выйдут в свет в 2008-м году, предназначены средства из двух бюджетных источников по программе «Культура для всех». Общая сумма — один миллион восемьсот тысяч рублей. Выйдут книги серии «ЛИК»: Виктора Хабибулина о Барклае де Толли, Ирины Щербинской о Рюриковичах, Инны Головки о Николае Гумилеве, будет издан философский, исторический роман Олега Глушкина «Парк живых и мертвых», в серии «Калининградская поэзия» выйдут сборники Игоря Белова, Андрея Тозика, Анатолия Галенко и Николая Василевского, будет напечатано произведение Людмилы Фелистеевой, адресованное детям и подросткам, — «Окно детства». В серии «Литературный дебют» выйдут книги Анатолия Мартынова, Венира Опекунова, Валентины Покладовой.

Сегодня книги, изданные по правительственной программе, пополняют в основном библиотеки, это верный и нужный путь, но в принципе проект можно развернуть и на увеличение тиражей и обеспечение продажи книг в многочисленных книжных магазинах.

Такой путь может стать реальным, если к проекту подключатся спонсоры. Пример уже дан. Так, роман Снегова с помощью спонсоров будет издан дополнительным тиражом.

Ход выполнения правительственной программы издания книг позволяет надеяться на реализацию всех талантливых рукописей, имеющихся в столах калининградских писателей.

Андрей АБРУТИН